Алексей Вячеславович
Морозов

ИЛАРІЯ

Роман-предведение

Алексей Морозов

Иларія. Роман-предведение

«Издательские решения»

Морозов А. В.

Иларія. Роман-предведение / А. В. Морозов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855545-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.В основе Романа лежит уникальная история жизни, любви и смерти монахини Иларіи, которая уясняет русскую историю более, чем совокупность всех исторических материалов. Значительное место в романе уделено геноциду армян турками. Духовный подвиг Иларіи созвучен судьбам женщин, прошедших сквозь революцию, гонения и репрессии, но сохранивших в сердце огонь веры.

ISBN 978-5-44-855545-9

© Морозов А. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава I 7
Глава II 27
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Иларія
Роман-предведение

Алексей Вячеславович Морозов

© Алексей Вячеславович Морозов, 2017

ISBN 978-5-4485-5545-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МОРОЗОВ АЛЕКСЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ,
Член Союза Писателей России, Член Союза Журналистов России

Светлой памяти монахини ИЛАРІИ,
Ее внучатый племянник Алексей
Посвящает этот роман.

Хотя роман основан на реальной истории, все персонажи и события – вымышлены, совпадения с жившими и живущими людьми, их именами, фамилиями и поступками – случайны, вся книга представляет собой художественное творчество. Тем не менее, автор пользовался воспоминаниями нескольких известных участников событий, в частности, офицеров Дикой Дивизии, другими архивными материалами и т.п., перерабатывая их в удобном для романа русле.

«Не Предведение есть причина будущих событий, а будущие события – причина Предведения. Не из Предведения вытекает будущее, а из будущего – Предведение».

Святой Иустин, христианский философ и мученик.

«История народа есть молчаливый глагол его духа, таинственная запись его судеб, пророческое знамение грядущего».

И.А.Ильин, русский православный философ, писатель и публицист.

«Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам настоящее и намекнуло о нашем будущем».

В.Г.Белинский, русский литературный критик.

«Ничто не ново под луною. Что есть, то было, будет ввек. И прежде кровь лилась рекою. И прежде плакал человек…»

Н.М.Карамзин, русский литератор, историк.

Глава I

Санитарный поезд, пыхтя, подошел к перрону Александровского (ныне Белорусского) вокзала в Москве. Поручик Баранов очнулся от резкого торможения. Рана на ноге болела нестерпимо. Осколком снаряда ему срезало почти все мясо на бедре. Вместо трех суток, поезд до Москвы шел десять. В ране начали копошиться белые, жирные черви. Несло смрадом. И хотя сестра милосердия в поезде промыла его увечье сильным раствором сулемы, черви появились снова. Повязка шевелилась от них. Баранов застонал. Шел 1916 год. Военные успехи России на фронте сменились рядом поражений. Была потеряна Польша, Восточная Галиция, начались отступления и на других фронтах. Железные дороги, эти артерии войны, были забиты поездами. Царил хаос. Доставка боеприпасов, продовольствия и медикаментов была сорвана. То же самое происходило и с санитарными поездами. Они двигались с «черепашьей» скоростью, что сказывалось на раненых бойцах. Не успев доехать до места назначения, многие из них умирали. Еще больше людей умирали непосредственно в госпиталях из-за несвоевременно оказанной медицинской помощи. Москва была забита ранеными. Госпитали размещались даже в правительственных и учебных заведениях. Естественно, что эти помещения были не приспособлены для медицинских целей. Пришли на помощь московские монастыри. Так, Московский женский монастырь отдал два крыла своего здания под госпиталь, а монахини работали сестрами милосердия. И все же обстановка была близка к катастрофичной. К тому же материальное положение в Москве продолжало ухудшаться. В 1915 году индекс цен превысил рост заработной платы в 3 раза, а в 1916 году – в 5 раз. Начинался продовольственный кризис – основной показатель разваливающегося государственного управления и хозяйства. Он спровоцировал негативные процессы во всех отраслях российской экономики, в том числе, и на транспорте, в медицине и в финансовой сфере. Тяжелое положение страны использовалось банкам и оптовыми торговцами для наживы и спекуляции, а власти, вместо того, чтобы пресечь безобразия, сами набивали карманы деньгами вместе и через банки и торговцев. Ползли вверх цены на продукты, а правительство, искавшее средства для ведения войны, резко увеличило налоги. И это вместо того, чтобы прекратить спекуляцию и воровство из казны и реквизировать огромные состояния, нажитые на взятках и обмане людей.

2 мая 1915 года началось Горлицкое сражение (или Горлицкий прорыв немцев), которое предопределило поражение России в I Мировой войне. В этой битве немецко-австрийские войска, под командованием одного из самых талантливых немецких генералов Макензена, применили метод скрытого сосредоточения и внезапного удара. Хотя общее соотношение сил на фронте было в пользу русских (1 млн. 300 тыс. штыков и сабель у немцев и австрияков против 1 млн. 700 тыс. штыков и сабель у нас), но на месте прорыва все было с точностью до наоборот. Макензен создал ударную группу немецко-австрийских войск и, за счет военной дисциплины на железных дорогах в Польше (начальники станций, машинисты, смазчики и даже кондукторы расстреливались немцами за саботаж военных перевозок), быстро и скрытно перебросил ее под городок Горлице, где стояла только одна 3-я русская армия. В результате такого лихого маневра, совершенно неожиданного для русского командования, группа Макензена получила превосходство на узком участке фронта в живой силе – в 2 раза, в легкой артиллерии – в 3 раза, в тяжелой артиллерии – в 10 раз, в пулеметах – в 2,5 раза. Но не это предопределило поражение Русской армии. С началом I Мировой войны Россию захлестнул «дикий» капитализм. При оборонзаказе в 60 тысяч винтовок в месяц военные завода изготавливали только 10 тысяч. Были сорваны поставки орудий, снарядов и патронов. Что же произошло? Договорившись между собой, промышленники-хапуги увеличили цены на боеприпасы в 2 раза, а подкупленные ими чиновники срывали поставки оружия в Русскую армию, пока не будут выполнены ценовые условия их хозяев-банкиров. Все это дорого обо-

шлось России. Фронт был прорван. Немцы молотили 3-ю Русскую армию почти беспрепятственно. Обнаглев от безнаказанности они выкатывали свои пушки на прямую наводку и расстреливали русские окопы с дистанции 2-х тысяч метров, то есть из- за пределов дальности винтовочного огня. У немцев было выделено по 1200 снарядов на ствол, а в артиллерии 3-й Русской армии было по 30 снарядов на орудие (это 3 минуты стрельбы трехдюймовой пушки). Для гаубиц, разрешенный расход составлял по 2 снаряда в день на ствол (!). Было мобилизовано 5 млн. резервистов из глубины Российской Империи. Вооружать их было нечем. Стали закупать в Японии трофейные, захваченные японцами еще в войне 1905 года, старые винтовки Мосина. Закупили в Швейцарии винтовки 1864 года выпуска. Государственный Совет Обороны рассматривал вопрос о вооружении пехоты алебардами (!). Все чего смогли добиться – это одна винтовка на троих и пять патронов на винтовку. И вот эти, плохо обученные и еще хуже вооруженные резервисты, бросались в бой для затыкания прорыва по частям и, несмотря на свое мужество, почти все мгновенно уничтожались немецким орудийным и пулеметным огнем. Австрийские пулеметчики сходили с ума от той стены трупов, которая вырастала от их пулеметного огня за пару часов боя. Вскоре произошло апокалиптическое Красницкое сражение (вы нигде не прочтете об этом, уважаемые читатели), где не только молчала русская артиллерия (стрелять было абсолютно нечем), но молчали и винтовки русских солдат (патронов не было). Пехота пошла в штыки, рвали немцев зубами, подбирали немецкие карабины и вели огонь, но почти все погибли смертью героев. Потери Русских войск в результате Горлицкого прорыва были колоссальны. Только убитыми мы потеряли более 3-х миллионов солдат и офицеров (!). войска были деморализованы, вера в победу упала, вера в Царя упала еще ниже. Предательство стало частым явлением. Так, из-за предательства коменданта крепости Ковно, крепость была сдана немцам без единого выстрела. Была сдана крепость Новогеоргиевск с 80-ти тысячным гарнизоном, тысячей орудий и запасами продовольствия. Немцы ее даже не штурмовали. И только тогда правительство и Царь Николай II опомнились. Была проведена национализация промышленности, и в 1915—1916 годах все промышленные предприятия стали государственными. Дебатировался даже вопрос о том, чтобы реквизировать огромные состояния банкиров, наживающихся на войне и на продовольственном голоде. Однако этот вопрос, как тогда говорили, «повис в воздухе». Видимо, много дали кому надо. Если бы национализировали то, возможно, не было бы революций 1917-го года. Тем не менее, оборонный заказ стал выполняться. Пушки, винтовки, снаряды и патроны бесперебойно стали поступать в армию. Положение улучшилось, что и подтвердил Брусиловский прорыв (по имени генерала Брусилова), который полностью уничтожил 4-ю австрийскую армию. Однако это был всего лишь эпизод. Горлицкий прорыв положил начало Великому отступлению русской армии, когда за полгода она оставила Галицию, Литву и Польшу. Только мужество и героизм русских солдат и офицеров не позволили в 1915 году разгромить вооруженные силы России. Мужество и проведенная национализация спасли Империю, но ненадолго. Уже появились большевистские агитаторы, которые вскоре окончательно разложили армию.

Может ли в войне победить страна, когда ее экономикой управляют промышленники-хапуги и чиновники-взяточники? Вопрос риторический, так как и взятки, увеличивающие стоимость товаров, и сверхприбыли, наживаемые на человеческом горе, – все это называется предательством национальных интересов.

Народ стремительно нищал, жизненный уровень катастрофически снижался. Рынки и базары стали пустеть, а очереди в продуктовые магазины и хлебные лавки – увеличиваться. Было решено снимать с санитарных поездов только тяжелораненых, а остальных перевязывать и эвакуировать дальше. Перевозка бойцов, из-за отсутствия транспортных средств, в Москве осуществлялась, в основном, на трамваях. Так Баранов, в бессознательном состоянии, был доставлен на трамвае в госпиталь Московского женского монастыря. Следует отметить, что запасы продовольствия обитель пополняла из сел и деревень Московского уезда. Все лучшее

из продуктов, что принадлежало монастырю, шло раненым и выздоравливающим. Себя сестры в еде предельно ограничивали. Не хватало медикаментов и бинтов, с огромным трудом доставали даже такие элементарные вещи, как йод, карболку и хинин. Для перевязки больных сестры стали использовать простыни. Настоятельница, игумения Илария, спала на соломе. На десятый день (!) после ранения в госпиталь монастыря привезли поручика Баранова. Он уже был в горячке. Едва взглянув на раненого, Илария сразу узнала его. Она встречалась с Барановым около года назад во время приезда во Львов, на пасху 1915 года. Иларии тогда повезло. Ее пригласила в Императорский поезд, отправлявшийся во Львов, сестра Государя, Великая княгиня Ольга Александровна. Ее госпиталь уже был развернут во Львове. Илария же везла подарки солдатам от Московского женского монастыря. Она была довольна, что ее пригласили в Императорский поезд и рада, что без особых хлопот довезет подарки, которых набралось полвагона. Пасха в 1915 году была ранняя и пришлась на 22-е марта (4 апреля по новому стилю). Православный мир праздновал светлое Христово Воскресение. Николай II решил посетить занятый русскими войсками Львов на пасхальной неделе, а именно,27 марта. Он хотел въехать во Львов на своем поезде, который шел по маршруту Москва-Петроград-Могилев-Львов. Сам Император находился в своей Ставке, в Могилеве. Однако этому решению воспротивился начальник его личной охраны А.И.Спиридович. Александр Иванович, генерал-майор российского корпуса жандармов, был мастером политического сыска и в жизни повидал всякого. Был тяжело ранен социал-демократом Руденко, а после убийства Столыпина в 1911 году попал под следствие по обвинению в непринятии мер охраны премьер-министра (халатность). Ему удалось оправдаться и, что немаловажно, Царь доверял ему. В 1913 году его уголовное дело было закрыто по личному распоряжению Николая II. Во время I Мировой войны Спиридович сопровождал Императора Российского во всех поездках. Александр Иванович по долгу службы подозревал всех, кто приближался к Царю. Особенный зуб он имел на Григория Распутина. Служба начальником охраны императора это не только чутье, профессионализм и храбрость, тут еще надо быть и мастером дворцовой интриги. Распутин не посоветовал, а, правильнее сказать, запретил Николаю II ехать во Львов. Царь был возмущен, но уважая мнение своей жены Александры Федоровны, которая буквально млела от «сибирского мужика», сдержался. Посещение Львова было важно с политической точки зрения – этим визитом только что отвоеванная Галиция (Червонная Русь) как бы закреплялась за Россией. Государь не мог знать, что не будет он хозяином этой земли и что буквально через месяц немецко-австрийские войска, смяв 3-ю армию, прорвутся под Горлице и русским придется оставить и Галицию со Львовом и Польшу и Литву. А вскоре падет и сама монархия. Никому, кроме Бога, это не было известно. Автор, изучавший историю, много раз ловил себя на мысли о тщетности людских усилий и о всемогуществе Господа нашего Иисуса Христа, Царя Вселенной.

Тем временем, перед Спиридовичем стояли две задачи. Первая заключалась в том, чтобы царь беспрепятственно и спокойно въехал во Львов. Вторая состояла в охране Государя в городе, а также в охране сопровождающих его лиц, в частности, на поезде прибывали Их Императорские Высочества Августейшие Сестры Государя Императора Ольга Александровна и Ксения Александровна.

Для решения первой задачи Александр Иванович уговорил Николая II пойти на хитрость. Он брался распустить слух по Львову, что Русский Царь приезжает в город на своем Императорском поезде. Поезд, украшенный цветами, портретами государя и царскими штандартами, под пение гимна остановится у перрона городского вокзала. А Император должен будет въехать во Львов на автомобиле по Лычаковской дороге и, пока горожане встречают его на вокзале, Николай II тихо проедет по опустевшим улицам к дому генерал-губернатора Галиции графа Бобринского, где и остановится. Спиридович понимал, что для решения второй задачи руководимый им отряд охраны был очень мал. Отдав все необходимые распоряжения, Александр Иванович немедленно выехал во Львов. Граф Бобринский охарактеризовал

положение в городе как очень опасное. Не проходило дня, чтобы не было стрельбы на улицах. Большинство населения было враждебно настроено к русским войскам. В ресторанах и кофейнях постоянно вспыхивали конфликты и драки между офицерами и горожанами. Было полно шпионов, оставленных при отступлении австрийцами. Генерал-губернатор посоветовал обратиться за помощью к командиру Кавказской туземной конной дивизии Великому Князю Михаилу Александровичу, брату царя (об этом уникальном воинском соединении автор расскажет несколько ниже). Великий Князь, опасаясь покушения на Николая II, немедленно откомандировал в распоряжение Спиридовича дагестанскую сотню во главе с поручиком Барановым. Все они были Георгиевские кавалеры, а Баранов за храбрость был награжден золотым оружием.

Наступило 27 марта. Вовсю светило солнце, словно приветствуя Русского Императора. По обе стороны железной дороги от границы до Львова на расстоянии прямой видимости стояли солдаты. Толпы горожан устремились к вокзалу, так как прошел слух о прибытии Государя. А в это время царь, одетый, по просьбе Спиридовича, в простую кожаную тужурку, в каких тогда ходили механики, на автомобиле «Делонэ-Бельвиль» со специальным со специальным стальным кузовом, изготовленным Парижской фирмой «Кельнер», ехал во Львов по Лычаковской дороге. Его сопровождали несколько автомобилей, в которых ехали: Главнокомандующий Русской армией Великий князь Николай Николаевич, министры двора и генералы свиты, а также лейб-хирург Федоров (на всякий неожиданный случай). Как писал позже Спиридович, «день был жаркий, и вереница автомобилей катила, окутываемая клубами пыли. По пути два раза останавливались на местах сражений. Государь выслушивал доклады. Несколько раз подходил к белым могильным крестам, которыми был усеян столь победоносно пройденный русской армией путь». Император же записал в своем дневнике: «Чем дальше, тем местность становилась красивее. Вид селений и жителей сильно напоминал Малороссию. Только пыль была несносная. Останавливался несколько раз на месте сражений в августе месяце; видел поблизости дороги братские могилы наших скромных героев. Солнце пекло, как летом». На следующий день газеты сообщили о приезде Императора. Город украсили флагами. Кстати, при помощи дагестанской сотни Баранова и присланного по требованию Спиридовича контрразведчика Русского Генерального штаба капитана Деревянко, все оппозиционно настроенные горожане были временно интернированы и помещены в пустовавшие австрийские казармы. Остальные горожане восторженно встретили царя. Спиридович вполне искренне записал: «Встреча со стороны населения была настолько горяча, а население было не русское, что как-то невольно пропал всякий страх за возможность какого-либо эксцесса с этой стороны. Казалось, что при таком восторге при виде Белого Царя со стороны галицийского населения, какое-либо выступление против государя невозможно психологически. Убранство улиц флагами и гирляндами дополняло праздничное настроение толпы». Приняв рапорт генерал-губернатора Галиции графа Бобринского, Николай II направился на молебен в гарнизонный храм Пресвятой Богородицы «Утоли мои печали». Быстро выскочив из еще неостановившегося автомобиля, на ходу бросив недокуренную папиросу, поздоровался со своими сестрами Ксении и Ольгой, стоявшими при входе в храм в платьях сестер милосердия, и вошел в него. Вот как описывает Архиепископ Евлогий встречу Императора в храме: «Огромный храм был переполнен до тесноты. Генералы, офицеры, солдаты, русские, служащие в разных ведомствах (среди присутствующих я увидел Председателя Государственной Думы Родзянко), местное галицкое население – все слилось воедино; длинные вереницы священнослужителей в золотистых облачениях с протопресвитером Шавельским впереди – и все это возглавлялось мною. Момент был не только торжественный, но и волнующий, захватывающий душу…» Баранов вместе со Спиридовичем стояли в правом приделе, недалеко от Царя. Непосредственно в церкви «работал» Деревянко со своими агентами, но поручик по привычке внимательно осматривал присутствующих. Внезапно его взгляд уперся в незнакомую монахиню, одухотворенное лицо которой поражало своей отрешенностью. Она стояла с высоко поднятой головой, взгляд светился лучезарным светом

и, казалось, трудно было бы отыскать монахиню, так гармонировавшую со своим монашеским одеянием.

– Кто это? – спросил поручик Спиридовича, указывая глазами на необычную монахиню.

– Как, Вы не знаете? – удивился Александр Иванович, – это же известная игумения Илария. Ее исцеляющая сила поражает. Она вхожа к самой Императрице. Вот только Распутин против нее. Московский генерал-губернатор частенько прибегает к ее помощи и прислушивается к ее советам. Тем не менее, Петроград не очень-то жалует московских праведников.

– Представьте меня Иларии, – дрогнувшим голосом попросил Баранов.

– Хорошо, – шепотом ответил Спиридович, – кстати, она привезла полвагона подарков нашим солдатам, вот вы и помогите распределить их.

– Почту за честь.

После молебна архиепископ подарил Николаю II копию Почаевской иконы Божией матери и сказал: «Примите, Ваше Величество, от меня эту святую икону копии Великой святыни русского народа – Почаевского чудотворного образа Богоматери. Эта святыня не раз спасала русскую землю от нашествий вражеских, и в теперешнюю Великую Отечественную войну она не пустила врага в свою обитель, хотя Лавра Почаевская стоит на самой бывшей границе австрийской. Когда блаженной памяти государь Александр III посетил Почаев, то собралось там много галичан, перебежавших границу чтобы посмотреть на Русского Царя. Покойному Государю угодно было обратиться к тем галичанам с такими знаменательными словами: «Я помню вас, я знаю вас, я не забуду вас! По указанию Божиего промысла Вы, Государь, осуществляете теперь эти великие, почти пророческие слова. Да поможет вам в этом святом деле Царица Небесная».

После молебна состоялся парад войск Львовского гарнизона. На правом фланге шли главнокомандующим Великий князь Николай Николаевич, его начальник штаба генерал-губернатор граф Бобринский. Затем Николай II посетил госпиталь имени великой княгини Ольги и наградил отличившихся солдат и офицеров георгиевскими крестами и медалями.

Далее в доме генерал-губернатора графа Бобринского в честь Государя был дан торжественный обед, и Сиридович, представив Баранова Иларии, ухитрился посадить их рядом.

После традиционного приветствия генерал-губернатор граф Бобринский рассказал о том, как уничтожалось православное население Галиции. Австрияки уничтожали сербское население в Боснии и русинское в Галиции. Было построено несколько концентрационных лагерей. самые страшные Талергоф и Терезин. За донос на православного выплачивалась премия в 500 крон. Последовали массовые казни. Обвинения были такие: за симпатии к России, за ожидание прихода русских войск и т. п. Людей вешали, морили голодом, били смертным боем

Около 150 тысяч православных русинов были замучены. Граф Бобринский дал слово представителю интеллигенции Галиции, поэту Василию Ваврику, отсидевшему в самых ужасных концлагерях, и в Терезине и в Галергофе. Он чудом остался жив. Василий сказал о «жажде славянской крови», которая замутила головы австрийских военных, и прочел свое стихотворение «Я Русин»:

Я русин был и русским буду,
Пока живу, пока дышу,
Покамест имя человека
И заповедь отцов ношу.
Когда австрийцы и поляки
Да немцы лютые меня
С правдивого пути не сшибли
И не похитили огня,
То ныне ни крутым запретам,

Ни даже ста пудам оков
Руси в моей груди не выжечь
Во веки вечные веков!

Все зааплодировали. Расчувствовался государь, подошел к Ваврику, подарил ему фарфоровое пасхальное яйцо, украшенное его инициалами, и крепко расцеловал. Есть такой обычай на Руси, после Пасхального богослужения приветствовать близких людей поцелуем. Василий не растерялся, схватил со стола красное пасхальное яичко и, вручив его Царю, расцеловал Николая II со всей страстью своей поэтической натуры. Под крики «Ура!» все встали и запели русский национальный гимн «Боже, Царя храни!» Государь был очень растроган таким приемом. Несколько позже общий разговор разбился на отдельные группки. Обращались только к своим соседям. Все говорили несколько громче обычного, так как были взволнованы происходящим. Стало шумно.

– Как мне сказал Александр Иванович, Вы воюете в дикой Дивизии. Почему такое название? – спросила Илария Баранова.

– Из страха, матушка, из страха. Австрияки так прозвали. Боятся нас. А еще, я думаю, о кавказских народах в Вене говорят как о дикарях. А я уверен, что они сами дикари. Вон сколько уничтожили и замучили русин галицийских. А «Дикие» беспощадны только в бою, а пленных никто и пальцем не тронет. Удивительно, но вчерашние враги России – кавказцы – добровольно пошли защищать ее и дали присягу Белому Царю. Перед каждой атакой мулла читает молитву за Россию, за Государя. Правда, мои всадники утверждают, что род Белого Царя восходит от Чингисхана, и они воюют за него во имя Аллаха и, следовательно, за Аллаха.

– Вот как, – задумчиво сказала Илария, – я хотела бы часть подарков раздать вашим всадникам, не окажете ли мне протекцию в этом деле?

– Считайте, что разрешение уже получено. Когда хотите ехать?

– Чего медлить. Послезавтра утром.

– Как прикажете, матушка. Все время разговора Баранов не мог оторвать взгляд от лучезарного лица Иларии, ее глаза так светились, что казалось, затмевали блеск золотого наперстного креста, висевшего на массивной цепи. Илария заметила его состояние. Она была проницательна и решила успокоить Баранова притчей.

– Шли два монаха и встретили красивую женщину. Она стояла около бурной реки и не могла перейти на другой берег. Один из монахов поднял женщину на руки и перенес ее через реку. Затем он вернулся к своему спутнику, и они продолжили путь.

– Мы приняли обет не касаться женщин. Как ты мог взять ее на руки? – спросил второй монах.

– Я давно уже поставил женщину на берег, а ты, судя по всему, все еще несешь ее с собой, – был ответ.

Вот и Вы, поручик, в жизни «продолжаете нести» груз пустых чувств, и за этой тяжестью не видите, что за человек находится рядом с Вами. Подумайте об этом, – закончила Илария.

Баранов был смущен и извинился.

– Пустое, – вздохнула Илария, – давайте лучше послушаем Государя.

Николай II поднялся со своего места, держа в руках Георгиевскую саблю, и сказал: «Лично посетив освобожденную от австро-германского владычества Галичину и убедившись в блестящим порядке и заботливости, положенных в основание управления завоеванного края, я жалую главнокомандующему Русской армией Великому князю Николаю Николаевичу Георгиевскую саблю, украшенную бриллиантами, с надписью „За освобождение Червонной Руси“. Спасибо за теплый прием. Да будет единая, могучая, нераздельная Русь!»

Собравшиеся от всей души грянули «Ура!» Ночью государь записал в своем дневнике впечатления от города Львова: «Очень красивый город, немножко напоминает Варшаву, пропасть садов и памятников, полный войск и русских людей.» Утром следующего дня Импера-

тор Российский, уже на поезде, покинул так понравившейся ему Львов. Это была последняя радость царя в этой войне, да и в жизни тоже. Утренние газеты сообщили, что Николай II распорядился передать в пользу бедных 10 тысяч рублей. Императорский поезд уносил Государя во тьму истории, где его ждали неизведанные еще печали и новые хлопоты.

Неизведанное печали и новые хлопоты ждали и наших героев. Начальник штаба дикой Дивизии полковник Юзефович, низенький, похожий на бочку татарин с бритой головой, выделил Баранову санитарный автомобиль. Подарками его набили до отказа. Илария ехала в кабине вместе с водителем, а Баранов трясся в кузове. Дивизия стояла в окрестностях Львова. Ее полки были разбросаны по разным селениям. Дорога вилась среди зеленых лощин, перелесков, холмов, петляла между селений, крестьянских дворов и пышных садов. Лишь изредка проносились разбитые орудийным огнем усадьбы. Видно, что наступление русской армии было стремительным. Илария поразилась зажиточности, которая бросалась в глаза. Чувствовалось, что всего в этих местах было вдоволь: и хлеба, и мяса, и молока, и овощей, и фруктов. Крестьяне в добротных пиджаках выходили на дорогу и, приложив руку козырьком ко лбу, мрачными взглядами провожали автомобиль.

– Не любят нас здесь. Все война проклятая, – вздохнув, подумала игумения.

Вскоре автомобиль въехал на плац, расположенный около штаба дивизии и остановился возле большого стола, предусмотрительно врытого посередине. Стол быстро завалили подарками. Все же их явно не хватало на всю дивизию, поэтому решили презентовать гостинцы только старейшинам, офицерам, георгиевским кавалерам и муллам. Таким образом, на плацу остались всего несколько сотен всадников. Илария подошла к столу. На ней было три креста: наперстный на цепи, орденский знак с крестом (она была награждена за организацию госпиталя для раненых в своем монастыре) на левой стороне груди и символ «Красного Креста» на белой повязке на левой руке. К Иларии первым подошел гибкий, как кошка, с осиной талией, с красной бородой (горские офицеры красили бороду в красный цвет, чтобы они были различимы в бою своими всадниками), с пронзительным взглядом воина, черкес.

– Офицер Мирзоев, – представил подошедшего Баранов, – старейшина дивизии, ему 70 лет. Участвовал еще в турецкой кампании на стороне персов против османов.

Наступило молчание. Что Илария могла подарить этому воину, когда персидский шах дарил ему алмазы за свое спасение от турок? В замешательстве, не зная, как поступить, она решила положиться на интуицию. Вручив офицеру пачку душистого табака, кусок туалетного мыла и плитку шоколада, игумения перекрестила его, встала на цыпочки и поцеловала воина в лоб. Черкес внимательно посмотрел на Иларию и, почтительно поклонившись, поцеловал ее мантию. Многоголосое «Ура!» пронеслось над плацем. Игумения завоевала ожесточившиеся сердца этих всадников одним, таким естественным, материнским поцелуем. Вот как описывал это событие Илья Львович Толстой, сын великого русского писателя, служивший военным корреспондентом при Дикой дивизии: «Под скрипучий напев зурначей, наигрывающих на своих дудочках свои народные воинственные песни, мимо нас проходили нарядные типичные всадники в красивых черкесках, в блестящем золотом и серебром оружии, в ярко-алых башлыках, на нервных, точеных лошадях, гибкие, смуглые, полные гордости и национального достоинства. Что ни лицо, то тип; что ни выражение – выражения свое, личное; что ни взгляд – мощь и отвага…»

– Действительно настоящая религия – это доброе сердце, – сказала Илария подошедшим муллам.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Речь пойдет о светском и духовном лидере Тибета – Далай-ламе. Важное стратегическое положение Тибета – высочайшего в мире плоскогорья, расположенного в самом сердце Азии, а главное, его влияние в качестве мирового центра буддизма, поставили Тибет в центр азиатской политики таких держав, как Англия, Россия и Китай. В частности, в России проживало более 160 тысяч бурят и и около 200 тысяч

калмыков, исповедующих ламаизм. Они регулярно совершало паломничество в Тибет. Бурное экономическое развитие России в конце XIX—начале XX века требовало новых рынков сбыта и источников сырья, и вскоре Средняя Азия была присоединена к России. Также были установлены русско-тибетские дипломатические отношения. Энергично лоббировал тибетские интересы статс-секретарь Николая II А.М.Безобразов. за его спиной стоял тибетский целитель П.А.Бадмаев, бурят по происхождению, выпускник Восточного факультета Петербургского университета. Он пользовался большим авторитетом в Петербурге и лечил почти что всех министров царского двора, их жен и даже родственников. Врачевал он с помощью дыхательной гимнастики, йоги, иглоукалывания и своих настоек из тибетских трав, которые, по его утверждению, «омолаживали тело и продлевали жизнь». В действительности же, как отмечал В. П. Семенников: «Весь ум Бадмаева, вся его энергия направлены были в сторону различных афер». В связи со строительством Сибирской магистрали, Безобразов стал советовать Николаю II присоединить к России Тибет. По настоянию Бадмаева, он поставил перед правительством вопрос о постройке ветки от Сибирской магистрали к городу Ланьчжоу, который являлся ключом к Тибету. Как позже выяснилось, Бадмаев совместно с Распутиным, который брался «продавить» этот вопрос через правительство, выпустили акции это еще несуществующей железной дороги и существенно обогатились. Однако их далеко идущим планам не суждено было сбыться. Им помешала I Мировая война. Тем не менее, буддизм и ламаизм получили большое распространение при дворе. Не скрывалось и было очень популярно послание Далай-ламы Николаю II, где, в частности, отмечалось, что необходимо «…надлежащим образом установить стезю, по которой русские и тибетцы, соединившись в мире, пришли бы в доброе согласие.» В этом-то письме и была философская фраза Далай-ламы: «Действительно, настоящая религия – это доброе сердце». Двору так понравилась такая философия, что они стали вставлять этот пассаж в каждый разговор.

Иларія решила проверить действенность этой фразы и высказала ее муллам. И вновь успех! Муллы согласились с ней!

Раздача подарков закончилась.

– Вы покорили наших союзников, – выразил свое восхищение Иларией полковник Юзефович. Поблагодарив игумению, он откланялся.

В это время как из-под земли вырос Деревянко. Был он в сапогах, брюках-галифе и во френче цвета «хаки» с подполковничьими погонами.

– Благословите, матушка, – обратился новоиспеченный подполковник к Иларии.

Игумения благословила и перекрестила его, тут поцеловал ей руку.

– С какого времени ты – подполковник? – изумился Баранов.

– Со вчерашнего дня, – ухмыльнулся Деревянко, – я теперь начальник районного Особого отдела (контрразведка) Галиции при генерал-губернаторе графе Бобринском. Спиридович меня рекомендовал и протежировал перед Джунковским. Он же сейчас и товарищ (заместитель – А.М.) Министра внутренних дел и, одновременно, командир Особого корпуса жандармов. В это время подошел дежурный и потребовал Баранова к командиру дивизии. Здесь для уважаемых читателей необходимо немного прояснить ситуацию. Германия значительно раньше России поняла, какой большой силой является шпионаж. Она покрыла всю нашу страну сетью агентов. Ими разрушались мосты, поджигались склады, взрывались военные суда, устраивались забастовки и выпускались листовки, разлагающие армию и народ. Финал оказался трагичен. Напомню моим дорогим читателям, что Российская империя погибла, став жертвой революции, созданной немецкими агентами на германо-американские деньги. Несмотря на горький опыт русско-японской войны, наши генералы поручали разведку кавалерийским соединениям, что не давало особо важной информации. Баранов, со своей сотней дагестанцев, сам неоднократно участвовал в разведывательных рейдах в тыл врага, поэтому-то он и был откомандирован из дикой Дивизии в распоряжение Спиридовича на время визита

Николая II во Львов, как имеющий навык в подобной работе. Русская контрразведка была создана только в 1911 году и пользовалась услуги услугами жандармских офицеров. Так, до назначения Деревянко, вопросами контрразведки во Львове занимался жандармский капитан Силкин.

– Шпиона по роже видать, – уверял он генерал-губернатора.

А еще кто-то рассказал ему, что германцы татуируют на ягодицах своих агентов букву «К» («Кайзер»), чтобы они после выполнения задания спокойно переходили линию фронта, к своим. Капитан Силкин поверил этому бреду и осматривал не только рожу, но и задницу. Особенно увлеченно он исследовал женщин. Через 2 недели такой напряженной работы он подхватил сифилис, запил и застрелился.

Здесь необходимо добавить, что в русской контрразведке было вначале немало людей, подобных этому капитану Силкину. Сведение личных счетов, выдумывание и раздувание дел, чтобы получить побольше денег, странные «учения» агентов, которые никогда не проводились, или только вредили делу, добывание себе орденов и чинов – вот так действовала царская контрразведка. И только через несколько лет на службу стали приходить честные, дисциплинированные, хорошо подготовленные к этой работе люди, которые окончили появившуюся уже тогда Разведшколу. Такие, как капитан (уже подполковник (!)) Деревянко. И положение постепенно стало меняться в лучшую для России сторону. Прекрасный пример – это организация визита Николая II во Львов. Во многом, благодаря Деревянко, не было ни одного выстрела, ни одного покушения, ни одного негативного выступления против Царя. Поездка прошла «без сучка, без задоринки». Именно этим объясняется то, что Спиридович рекомендовал контрразведчика к повышению.

– Ваше Высокопреподобие, – вдруг официально обратился к Иларии Деревянко, – мне необходимо с Вами переговорить.

– Не хитрите, подполковник, я же не называю Вас начальник Особого отдела. Выкладывайте сразу, что произошло?

– Сегодня утром я разговаривал по прямому проводу со своим начальством в Петербурге, с генералом Джунковским. Он передает Вам свои наилучшие пожелания и просит сообщить, что во Львове находится Ваша родная сестра.

Илария встревожилась.

– Владимир Федорович, в бытность свою московским генерал-губернатором, был добр ко мне и много раз принимал участие в нашем монастыре, – произнесла игумения, – Вы еще, вероятно, не знаете моей истории. Хотите, я кое-что расскажу Вам.

Деревянко вежливо кивнул.

(Здесь необходимо сказать, что Джуниковский Владимир Федорович, сыгравший большую роль в судьбе Иларии, был либералом в политике и придерживался довольно необычных взглядов на развитие России в XX веке, что было странно для чиновника высокого уровня, каким он был. Может быть, несколько объясняет его личность то, что он как потомственный дворянин, имел герб с неожиданным фамильным девизом: «Deo et proximo» – «Богу и ближнему». Может быть, именно этому девизу он и следовал. Кто знает?

В России всё – секрет, но ничего – не тайна. В народе давно поговаривали, что Джунковский не равнодушен к революционерам. Это еще мягко сказано. Так, 12 января 1905 года капитан Джунковский назначается адъютантом Великого князя Сергея Александровича, тогдашнего генерал-губернатора Москвы. 4 февраля 1905 года Великий князь Сергей Александрович был разорван на клочки бомбой, брошенной террористом. Поговаривали, что маршрут следования кареты за 15 минут до выезда изменил адъютант Джунковский, но доказать ничего не удалось, так как начальник охраны Великого князя ехал с ним в одной карете и был также убит на месте.

По утверждению В.Н.Воейкова, вскоре после манифеста 17-го октября 1905 года Джунковский в Москве «оказался среди бунтарей, направлявшихся к тюрьме для освобождения политических заключенных, но воздержался от донесения начальству о своей „прогулке“, которая не послужила для него препятствием в дальнейшей успешной карьере».

Нина Берберова утверждала, что Джунковский – масон, однако более или менее точно известно, что он являлся кавалером высшего масонского ордена «Рыцарский военный крест» (последним из россиян, получивших эту награду 5 июля 2010 года был Шойгу С. К., который стал официальным масонским рыцарем Суверенного военного ордена Мальты и был награжден «Рыцарским военным крестом»).

А. П. Мартынов писал о Джунковском: «Связи у него в „сферах“ были громадные, и он легко и бестрепетно всходил все на высшие ступени административной лестницы…»

Будучи командующим Отдельного корпуса жандармов, запретил вербовать агентов среди учащихся школ и средних учебных заведений, а также уволил большое количество запятнавших себя жандармских офицеров, чем нажил себе много врагов.

Непримиримый противник Григория Распутина (на этом он и сошелся с Иларией). 19 августа 1915 года он попытался в присутствии Распутина разоблачить того перед Николаем II, но опоздал. «Сибирский мужик» сыграл на опережение, и Джунковский был уволен и отправлен на фронт командовать Сибирской стрелковой дивизией.

В ноябре 1917 года Джунковский был арестован и посажен в Петропавловскую крепость.

Сотрудничал с ЧК-ГПУ, активный участник различный чекистских операций.

Очень рекомендую посмотреть (если кто не видел) вышедший в 1967 году многосерийный исторический телефильм «Операция «Трест» режиссера Сергея Колосова. Фильм рассказывает об успешной операции, проведенной в 1921—1925 годах ОГПУ Советской России, по выманиванию легендарного английского разведчика, Сиднея Рейли, и революционера-террориста, военного министра Временного правительства, Бориса Савинкова, в Минск для встречи с членами «московской антисоветской организации». Руководителем этой «организации» был некто Якушев, прототип Джунковского. Играли замечательные советские артисты: Игорь Горбачев, Людмила Касаткина, Донатас Банионис, Армен Джигарханян. Фильм заканчивается арестом Рейли. На самом же деле, Рейли был расстрелян, а Савинков выбросился в лестничный пролет здания на Лубянке и погиб. С тех пор пролеты в этом здании затянуты сеткой. Но есть и другая версия. Писатель Александр Солженицын в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ» пишет об убийстве Савинкова сотрудниками ВЧК.

Так или иначе, но Джунковский сыграл решающую роль в этой операции. Советсткое правительство ему, как офицеру, «лояльному к власти», определило пенсию в размере 3270 рублей в месяц. Он еще и подрабатывал учителем французского языка, а также разработал, по приказу НКВД, Положение 1932 года о паспортном режиме. Джунковский – автор советской паспортной системы, фактически восстановившей на деревне крепостное право. Однако ему не суждено было пережить сталинские репрессии. В 1937 году он был вновь арестован и расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой.

Приведу еще несколько интересных фактов из жизни Джунковского. Он не пил, не курил, не увлекался женщинами, был тайным монахом и Председателем Московского попечительства о народной трезвости. Джунковский был крестным отцом будущего известного советсткого писателя С.В.Михалкова, отца Никиты Михалкова и Андрея (Андрона) Кончаловского. В некоторых кругах Джунковского сейчас называют одним из «разрушителей Родины». Думаю, что это должны решать мои уважаемые читатели, однако без такого «предисловия» им было бы трудно понять дальнейшие события.

– Я родилась в 1874 году в деревне Строгино Московского уезда. Третьим ребенком в семье, и получила имя Прасковья, – начала Илария свой рассказ. – Тятенька содержал станцию почтовых лошадей, последнюю перед въездом в Москву. При станции были постоялый

двор и трактир. Все мы, моя старшая сестра и брат, работали с детских лет. Я иногда прислуживала в трактире, однако тятенька заметил, что при мне выручка возрастала в несколько раз, и поставил меня там на постоянную работу. А я полюбила нашу Всехсвятскую церковь и постоянно сбегала туда, наверное, лет с шести. Отец Гавриил, приходский священник, улыбался при виде меня и говорил: «Вот и пришла наша маленькая монахиня». Я стала петь на клиросе. Однажды я увидела волшебное сияние, распространявшееся от певчих и восходящее к куполу церкви. Отец Гавриил, которому я рассказала об этом, ничего не заметил, однако запретил мне болтать об этом. С этого дня я всякий раз видела свечение вокруг певчих в храме, а в других местах – нет. Опущу некоторые личные подробности, скажу только, что с этого времени я мечтала стать монахиней. Суровый родитель мой и слышать не хотел об этом. Он бил меня вожжами, таскал за волосы, ставил на колени на горох и запирал на ночь в хлеву. Меня поддерживали и жалели мой старший брат и сестра, а маменька только плакала, не решаясь прекословить мужу. Он хотел одного – удачно выдать меня замуж и увеличить, таким образом, свое состояние. В деревне был еще человек, который понимал меня и у которого я находилв отдохновение. Это была помещица Корзинкина. Ее барский дом стоял в окружении огромного яблоневого сада. Она дала имя каждому дереву, и мы часто с ней ходили под яблонями и разговаривали с ними. Она-то и заставила тятеньку смириться с моим выбором и даже внесла вклад за меня в Московский женский монастырь[1].

Так, в 14 лет я поступила послушницей в этот монастырь, который вскоре стал для меня родным домом на этой земле. Сестра и брат оказали мне большую помощь в моем решении. Как я теперь понимаю, мы все трое хотели помочь русскому народу, но разными путями. Брат, купив камнедробилку, стал продавать гальку и щебень московским строителям. Предприятие было успешным. Полдеревни мужиков перестали пить водку и пошли работать к нему. Получая хорошую копейку, их семьи вздохнули свободно. Брат стал известным промышленником. Я приняла постриг в монахини, и наш монастырь стал невиданным доселе центром обучения и благотворительности. Мы содержим две воскресные и одну церковно-приходскую школы, помогаем бедным, открыли первый в России военный госпиталь в монастыре. Да всего и не перечесть. А старшая сестра стала революционеркой.

Это моя боль, моя трагедия, я каждый день молюсь за нее. Теперь Вы понимаете, почему я встревожилась, когда передали, что сестра во Львове. Она очень опасная террористка-революционерка.

– Извините, матушка, – спросил Деревянко, – Вы похожи?

– Да, сходство есть, но мы не близнецы.

– Если еще одна такая красавица появится в городе, то это не ускользнет от моего внимания, тем не менее, я попрошу оповестить меня, если сестра обратится к Вам.

Илария отрицательно покачала головой.

– Не старайтесь показаться хуже, чем Вы есть на самом деле, – неожиданно резко проговорила игумения, – выполняйте свою работу, а я буду делать свою. Сестры должны помогать друг другу.

– Если поможете сестре, тогда Вы станете соучастницей.

– Какой Вы еще максималист, – невольно улыбнулась монахиня, – запомните, Господь управит так, как это нужно Ему, в этом и будет заключена высшая справедливость.

Вздохнув, подполковник кивнул. Он предпочел не ссориться с влиятельной игуменией.

У подошедшего Баранова вдруг перехватило дыхание, когда он увидел улыбку Иларии, адресованную Деревянко. Тот показался ему вором, крадущим чужое счастье.

Но Баранов не имел не только никаких прав на эту женщину, он не имел даже намека на них, более того, он понимал, что ни он, никто другой, никогда не смогут ни обнять ее, ни

[1] Упоминание о помещице Корзинкиной уважаемый читатель также встретит в романе Юрия Трифонова «Старик».

хоть как-то приблизиться к ней. Баранов страдал, еще не понимая, что его посетило чувство, которое включает и огромное счастье, и страшную пытку, и сокровенную мистерию, и непостижимую загадку. Это чувство полностью меняет судьбу человека, бросая его в темноту ревности или поднимая на вершины духа. Называется оно Любовь.

– Матушка, – глухо проговорил Баранов, – меня опять откомандировали в контрразведку, а ведь я обещал Спиридовичу помочь Вам с подарками.

– Послушайте, подполковник, отпустите поручика на один день. Он поможет раздать подарки и проводит меня. А то, боюсь, не справлюсь. К тому же, обещания надо выполнять, особенно данные генералу, – с искоркой смеха в глазах попросила Илария.

– Как прикажете, – Ваше Высокопреподобие, – мрачно согласился Деревянко.

У Баранова в голове неожиданно зазвенели колокольчики, и он подумал: «Завтра я ее увижу, а там… что будет, то будет».

Через день, на коспиративной квартире, Деревянко втолковывал поручику оперативную ситуацию в городе и на фронте.

– Львов разложен контрабандой и немецкими деньгами. Проведенные обыски, временное интернирование недовольных и даже показательные порки людей, расклеивавших антирусские листовки, проведенные комендатурой, никаких особых результатов не дали. Что-то мы делаем не так и, пока не можем добраться до резидента германской разведки. Пришел приказ – готовиться к наступлению. Прорвемся на Венгерскую равнину, а оттуда откроется дорога на Вену.

– Давно пора, —обрадовался Баранов, – это же конец войне!

– Согласен, – продолжил Деревянко, – однако наши коммуникации чрезмерно растянуты. Если немцы с австрияками узнают об этом, соберут в кулак свои мобильные войска и опередят нас с прорывом, тогда, учитывая российскую расхлябанность, возможна катастрофа. Конечно, есть вероятность утечки данных с «самого верха», но генерал Джунковский обещал сделать все возможное, чтобы отсечь Распутина от информации и принятия решения. Впрочем, там хватает своих заморочек. Мы же должны делать нашу работу. По сообщению из контрразведки фронта, возможный немецкий резидент – это певичка кафешантана Эдем. Зовут ее Роза. К ней сходятся все нити. Приказано сблизиться с ней, спровоцировать ее на откровенность и арестовать. Нужен боевой офицер, способный войти к ней в доверие и проявить ее как шпионку. Лучше Вас, поручик, на эту роль никто не подходит.

– Какая гадость! – ответил Баранов, – увлечь женщину и предать ее! Ухаживать, целовать даму и в то же время опутать ее сетью лжи и коварства! Нет, я на это не способен.

– Да, паскудная работенка. Однако эта женщина – немецкий шпион. Из-за нее на фронте гибнут, попав в засады, тысячи русских солдат. Она пользуется своей красотой, чтобы губить наших офицеров, которые доверчиво сближаются с ней и находят измену там, где надеялись найти сочувствие, привязанность и отдохновение. Она продает Россию оптом и в розницу! А Вы боитесь запачкаться! Ханжа! – возмутился Деревянко.

– Почему бы сразу не арестовать эту Розу, раз ты столько знаешь о ней?

– Да потому, что сбегут все ее сообщники, агенты – исполнители, мы потеряем всю шпионскую сеть, которая вскоре снова заработает против нас. Подготовить хорошего агента – трудное и долгое дело, а арестовав всю агентуру, мы не только сорвем их планы, но и обескровим германскую разведку!

– Все-таки я вынужден отказаться. Есть еще одно обстоятельство, которое я не намерен обсуждать с тобой.

Они долго препирались между собой, переходя с «Вы» на «ты» и обратно, пока Деревянко не выпалил:

– Как сообщил генерал Джунковский, в город приехала опасная революционерка, возможно, для установления связи с резидентом германской разведки во Львове, а также для полу-

чения инструкций, денег и для координации действий с подпольем внутри России. И эта революционерка – родная сестра игумении Иларии.

– Как сестра Ил… Иларии? И причем здесь Ил..Илария? Не может быть! – проговорил смущенный Баранов.

– А ты, брат, попал! – внимательно глядя на поручика, нахмурился Деревянко, – но это и к лучшему, ведь ты спасешь игумению, если мы арестуем еще и революционерку.

Баранов протестующее поднял руки:

– Она не нуждается ни в чьем спасении, она – праведник, она чиста и светла, она неповинна.

– Как знать, как знать. Мне она заявила, что сестры должны помогать друг другу. Ты понимаешь, что это значит? Это соучастие.

Помолчав, Баранов дал согласие на участие в операции.

– Это очень опасное дело, поручик. Хотя к тебе и будут приставлены три моих агента, я не гарантирую жизнь. Ты должен пойти на это сознательно, понимая, что война идет не только на фронте.

Обговорив все тонкости этой необычной операции, собеседники разошлись. Деревянко, едва добравшись до постели, мгновенно заснул. Баранов же бродил по ночному Львову, вспугивая влюбленные парочки и размышлял, поможет ли он Иларии, если арестует ее сестру, или сделает только хуже. В результате, он пришел к мысли, которую высказал римский император и философ Марк Аврелий: «Делай, что должен, случится, что суждено». Этой мыслью всегда руководствовались все честные русские люди при затруднительных обстоятельствах. А звезды, словно согласившись с ним, медленно исчезали с ночного неба. Начинался рассвет.

Красавица Роза появилась во Львове перед самой войной и поразила горожан своим богемным образом жизни. Она выступала в кафешантане «Эдем» три вечера в неделю, имела свой салон, где собиралась золотая молодежь, открыто заводила богатых любовников, предпочитая старшее поколение, частенько кутила в ресторанах, после чего мчалась в своем ландо по улицам Львова, разбрасывая мелочь под ноги случайным прохожим. Когда русские войска заняли город, она переключила свое внимание с аристократов на штабных офицеров и быстро завоевала большую популярность. Ее выступления в Эдеме сопровождал оглушительный успех. Полный зал всегда стоя рукоплескал ей. Иногда Роза ездила в католический костел за отпущением грехов и плача исповедовалась. Потом весь день ходила мрачная и подавленная, но наступал вечер, и все повторялось сначала.

Во Львове в то время можно было легко познакомиться с одинокой женщиной. Писалось письмо, куда вкладывалась солидная купюра, посыльный относил его по адресу и, если дама отвечала, Вас ждала бурная ночь и спокойное утро с легким завтраком, поданным в постель. Русские офицеры полюбили этот очаровательный, почти европейский, город. У одних были эстетические, у других душевные, у третьих плотские привязанности. Одни любили его архитектуру, другие любили его веселые рестораны, третьи любили его женщин. Частенько, получив отпуск, офицеры не выезжали навестить свои семьи, а оставались во Львове, прокучивая все свои «боевые» деньги, и возвращались в часть без сапог и часов, заложенных, чтобы расплатиться в кафешантане.

Деревянко посоветовал Баранову сначала посетить выступление Розы в Эдеме, а потом, якобы под впечатлением от увиденного, написать ей письмо и просить о встрече. Утром поручик получил от подполковника пригласительный билет в Эдем, а вечером в парадной форме с аксельбантами, наградами и золотым оружием появился в кафешантане. Он был очень хорош в парадном мундире. Выше среднего роста, плечистый, с тонкой талией и острыми чертами лица, поручик обращал на себя внимание. Несколько артисток кордебалета постоянно сновали вокруг него, как бы невзначай показывая свои стройные ножки. Но Баранов не обратил на них внимания, он едва успел занять свой столик и заказать коньяк, как выступление нача-

лось. В зале погас свет, а сцена, где стояли кровать, трюмо и маленький пуфик, озарилась мягкой подсветкой. Раздался звон колокольчика, и с кровати вскочила совершенно обнаженная Роза. Многие офицеры, очевидно, бывшие здесь не в первый раз, мгновенно достали артиллерийские бинокли и навели их на сцену. Женщина чуть потянулась. Она была чувственна и олицетворяла в себе желание всех этих офицеров забыть ужасы войны в ее объятьях. И она четко играла на этом. По залу пронесся стон, когда она начала медленно одеваться.

– Как хороша, чертовка! – раздался бас за соседним столиком.

Чуть скосив глаза, Баранов узнал громадного усаа, у которого слюна уже закапала на стол. Это был начальник гарнизона города Львова генерал Веселаго.

В зале стояла тишина, прерываемая хриплым дыханием сотни мужчин, которые совершенно потеряли голову и готовы были за одно прикосновение к этой вакханке не только выболтать все военные тайны, но и убить кого угодно. В заключение Роза взяла с трюмо флакон духов и нанесла семь капель на интимные места своего тела. Затем, накинув прозрачный пеньюар и высоко вскидывая ножки, она запела фривольную песенку:

Мой папаша пил, как бочка,
И погиб он от вина.
Я одна осталась дочка
И зовут меня Нана.

Зал заревел, и Эдем превратился в Содом. Раздался гром аплодисментов, и все рванули к сцене, забрасывая ее цветами.

Баранов протиснулся за кулисы как раз в тот момент, когда Роза спустилась со сцены. Он почти в упор посмотрел на нее. Увидев красавца-офицера, она остановилась, и их глаза встретились. В это время, чуть не сбив его с ног, промчался адъютант начальника гарнизона с огромным букетом цветов и вручил их артистке.

Неожиданно Баранов увидел Деревянко, стоящего чуть поодаль, одетого в штатский костюм, в котелке, с тросточкой и с небольшим букетиком.

– Как вы смеете проявлять грубость по отношению к фронтовому офицеру? – закричал контрразведчик. Баранов мгновенно пришел в себя, развернул адъютанта к себе лицом, дал пощечину и бросил ему в лицо перчатку.

– Вы – тыловая крыса. Я вызываю вас на дуэль. Выбор оружия за вами, —прохрипел поручик.

– Господа, господа, успокойтесь, – певичка встала между ними, – вам что, мало смертей на фронте?

– Отставить! – вдруг раздался знакомый бас. Это кричал подоспевший Веселаго.

– Десять суток ареста каждому!

– Генерал, будьте снисходительны, они еще так молоды, – сказала Роза, вплотную подойдя к коменданту.

– Мадмуазель, но воинская дисциплина. Дуэли запрещены.

Увидев, что Роза отошла от него с недовольным гримасой, Веселаго сменил гнев на милость.

– Ну хорошо, хорошо, только ради Вас. Марш спать, а утром оба ко мне в комендатуру, там разберемся.

Инцидент был исчерпан.

Оркестр принялся наяривать канкан, кордебалет танцевал, визжа исполняя озорные частушки:

Была я белошвейкой
И шила гладью.
Теперь я балерина
И стала б…

Причем последнее скабрезное слово заглушала барабанная дробь. Посетители опять заполнили зал. Красавица Роза умчалась на автомобиле в обнимку с генералом.

– Наконец-то удача улыбнулась нам, – говорил Деревянко на конспиративной квартире, – теперь надобность в письме отпала. Для нас ситуация упростилась. Она тебя запомнила, более того, ты ей понравился, это было видно. Этим необходимо воспользоваться. Вот тебе адрес, завтра утром, не теряя времени, отправляйся к ней домой и начинай действовать. Куй железо, пока горячо. А я-то боялся, что с тюфяком имею дело, а ты ничего, сообразительный, не только шашкой махать умеешь.

– Спасибо, – мрачно ответил Баранов, – хуже всего, что она мне отвратительна. Престарелая кокетка. Я не смогу изобразить «чувства», как ты настаивал.

– Ну не такая уж и престарелая, какие ножки! – мечтательно закатил глаза вверх Деревянко, – хотел бы я оказаться на твоем месте.

– Вот и иди к ней вместо меня.

– С моей нищенской зарплатой, кривыми ногами и выдающейся трудовой мозолью, – хлопнул себя по пузу подполковник, – да она на меня даже не взглянет. Другое дело ты: Георгиевский кавалер, золотое оружие, молод, красив, в перспективе светят генеральские погоны. Она сделает все, чтобы обольстить тебя и, кроме получения нужной информации, получить еще и личное удовольствие. Так сладко совместить приятное с полезным. А насчет того, что не справишься, ты мне это брось. На работе находишься, вот и начинай работать. Как в народе говорят: «Начинай, начинай, да смотри же, кончай».

И они оба засмеялись от получившейся двусмысленности. Не суди их строго, уважаемый читатель.

Интерес, который возбуждала Роза своим выступлением, был плотским интересом. Если же вы следовали в этот омут страстей, то сильно увлекались ей. А насколько она была «плохой», не имело значения. Любовные удовольствия – это утомительная борьба, требующая большой выносливости. Не существует ни прошлого ни будущего, есть только борьба и, как награда или наказание, триумф или провал. Это борьба за первенство. После первой близости становится ясно, кто стал рабом, мужчина или женщина. Отыграть обратно уже невозможно. Можно только убежать, как заяц. И только взаимная любовь преодолевает борьбу и несет счастье, но она возникает очень редко. Слишком часто в нее вмешиваются деньги, расчет и власть, чтобы поверить в такое чудо.

Роза проиграла в этой борьбе один раз жизни, своему мужу, но убив его, сумела удрать. И от участи рабыни от полиции. Однако не от немецкой разведки, которая без труда завербовала красивую преступницу. Пройдя обучение в германской разведшколе, она быстро освоила премудрости плотской любви в элитном бордели Мюнхена и была направлена в Берлин соблазнять дипломатов и офицеров военных атташеатов, работавших в столице Германии.

Перед войной через австрийскую контрразведку, с которой в Германии установились партнерские отношения, она прибыла во Львов во главе группы агентов-диверсантов. Как мы увидели, она легко внедрилась в аристократические круги города, что очень помогло ей после взятия Львова русскими войсками. Ее связи среди русского генералитета и штабных офицеров были обширны. Именно она сообщила германскому командованию сведения, что стоящая в 60 верстах от Львова, у городка Голице, русская армия недоукомплектована, плохо вооружена, артиллерия ощущает «снарядный голод» и имеет жиденькую оборону, всего из трех рядов траншей, далеко отстоящих друг от друга. Этим немедленно воспользовался немецкий генерал Макензен, организовав Горлицкий прорыв.

Вот что представляла из себя эта коварная женщина, которую весь Львов знал как красавицу – артистку.

На следующий день, поздним утром (с комендантом Деревянко уладил все проблемы), поручик постучался в дверь дома, где жила Роза. На пороге двухэтажного уютного особнячка

с зеркальными окнами Баранова встретила злющая старуха, очевидно, родственница Бабы-Яги, которая охраняла покой своей хозяйки, и заставила его прождать до часу дня. От нечнго делать поручик несколько раз обошел маленький домик, расположенный на окраине Львова, задним крыльцом своим выходивший в парк. Погода была великолепная, весна взяла управление природой на себя, и деревья салютовали ей звоном лопнувших почек и разворачивающихся листочков.

Уже кое-где зеленая трава потянулась к солнцу. В парке был слышен гомон птиц и журчанье ручья, вырвавшегося на свободу. Наконец, около часа дня Баба-Яга впустила Баранова в дом, и он прошел в гостиную с огромным букетом цветов. Роза была в изящном платье с высоким воротом и глубоким декольте. Она была без корсета, чтобы не искажать естественные линии тела. Баранов готов был поклясться, что под платьем не было белья. Она выглядела чересчур соблазнительно для фронтового офицера. Перед поручиком была опасная противница, лишь чуть замаскированная под светскую даму. Положив цветы ей на колени, Баранов представился и сказал, что его еще никогда не защищала дама, тем более такая красивая, и он очень ей обязан и благодарен.

– Ах, какие пустяки, – пристально посмотрела на него Роза, – мне это ничего не стоило, ведь усатый генерал – мой поклонник. Он рад услужить мне.

Всем своим видом и голосом она явно давала почувствовать свой интерес к нему.

– Таких, как Вы, я никогда не встречал, Вы сводите меня с ума, ВЫ волшебница, – продолжал поручик заготовленную речь и «ковал железо, пока горячо», – я обязан вам своей свободой, не лишайте меня своего общества. Я здесь на отдыхе, так как Дикая дивизия, в которой я имею честь служить, отведена во Львов для переформирования и пополнения. Я оказался совершенно один, не имею знакомых, с которыми мог бы развлечься после тяжелой жизни на фронте. Между ними началась рискованная игра. Хорошо известно, что, чем женщина очаровательнее, тем опаснее она как враг.

– Я что-то слышала о Дикой Дивизии, – ответила Роза, – мне говорили, что они убивают пленных.

– Мадемуазель, извините, но Вы повторяете слухи, распускаемые австрийской пропагандой, – парировал Баранов, – наши воины – львы, а не шакалы. В бою они беспощадны, а к пленным у них отношение презрительное. Они стараются как можно быстрее передать их в тыл, для допроса, так как считают, что сдача в плен равна предательству. Кавказцы – рыцари войны. Я сам не раз видел, как они кормили голодных детей в захваченных деревнях своим пайком, сами, при этом, были не евши по три дня.

– По-моему, убить можно лишь тогда, – неожиданно проговорила она шепотом, – когда это касается тебя лично, а иначе можно сойти с ума.

– Война. Мы защищаем свою Родину, – заключил поручик.

– Я ненавижу смерть, – ее огромные глаза вспыхнули огнем, словно вспоминая что-то, – а Вы уверены во всех солдатах? – ведь дивизия – большое соединение.

– Мадемуазель, наш командир, Великий Князь Михаил, брат Государя, специально следит за этим. Он бы не допустил расправы.

– А Вы видели Великого Князя вблизи? – вдруг спросила Роза, – каков он?

– Это высокий, стройный, очень сильный человек. Великолепный кавалерист. Храбрец, каких мало. Несколько раз под огнем неприятеля он лично поднимал полки в атаку. Я видел его два раза, когда он награждал меня, – несколько смутившись, ответил Баранов.

– Какой Вы еще мальчишка, – улыбнулась Роза, заметив его стеснение, – постараюсь, чтобы Вы, хоть на время, забыли ужасы войны и переключились на *kultur*. Их тайные планы сошлись, и они быстро договорились встретиться на следующий день в 6 часов вечера и поехать смотреть kultur.

Щелкнув каблуками, Баранов поцеловал ее руку, круто повернулся и вышел из комнаты. В то время, пока он спусклася по ступенькам дома на улицу, открылась боковая дверь комнаты, где происходило свидание, и в нее вошла стройная женщина в строгом черном платье и вуалеткой на лице. – Как тебе моя работа? – не оборачиваясь, спросила Роза, – завтра я буду из него веревки вить, он мне выложит все и даже не заметит этого.

– Ты сработала хорошо, – ответила женщина, смотря из окна на уходящего Баранова, – однако я видела поручика в городе, когда он со своей сотней, перед приездом Царя, сгонял неблаполучных в австрийские казармы. Я тогда еле ускользнула. Может быть, он и фронтовик, но сейчас работает на контрразведку. Если это так, то твой дом уже находится под наблюдением.

– Думаю, что ты права, – побледнела Роза, – старуха мне говорила о нескольких людях, по виду приказчиках, уже два дня снующих около дома с букетиками в руках. Я тогда думала, что эти господа – мои бедные поклонники, не имеющие шансов на успех, и еще пожалела их. А это оказался провал! Надо немедленно бежать! Все, что я успею сделать, – это предупредить об опасности моих агентов.

– Не торопись, – проговорила женщина спокойно, – успеем унести ноги. Уходить надо так, чтобы русская контрразведка надолго запомнила тебя. Давай приготовим им сюрприз.

Вечером на конспиративной квартире Деревянко внимательно выслушал доклад Баранова о прошедшем свидании.

– Вроде, все нормально, – задумчиво проговорил он, – только вот не могу успокоиться, на душе кошки скребут.

– Да все в порядке, она ни о чем не догадывается. Я ей мозги запудрил и обаял, как мог, а женщина всегда остается женщиной, даже на шпионской работе, – смеясь, выпалил Баранов.

– Не скажи, – ответил Деревянко, – она не женщина, а убийца в юбке. Сегодня пришла ориентировка на нее, так я еще трупы не успел сосчитать в донесении, стольких она отправила на тот свет. Не Бог дал ей эту красоту, а Дьявол. Вот что, придя к ней на часок пораньше, не в 6, а, скажем, в 5 вечера, ты можешь что-то выяснить. Если будет недовольна, скажешь, что сжигаемый страстью, не мог дождаться встречи или что-то в этом духе Я буду находиться в это время около дома. Будь предельно осторожен. Перед тем, как войти на крыльцо, расстегни кобуру.

Подойдя на часок пораньше и взойдя на крыльцо, Баранов заметил, что дверь закрыта неплотно. Он осторожно потянул за ручку и вошел в дом. В это время на лестнице раздалось сопение. Два человека с трудом тащили вниз большой ящик, обмотанный проводами. Поручик спрятался под лестницей, решив подождать развития событий. Подтащив ящик к двери, они отдышались.

– Теперь надо правильно наладить «машинку», соединив ее проводами с ручкой, – сказал один.

– Сделаем, – ответил второй, – как только дернут за дверь, взлетит на воздух не только весь дом, но и все те, кто будет находиться рядом.

«Адская машина», – догадался Баранов и решил действовать.

Он выскочил из-под лестницы и, выхватив свой армейский револьвер, заорал: «Руки вверх!»

В это время сверху раздался возмущенный голос:

– Что вы себе позволяете, поручик? он обернулся на голос и увидел Роза, стоящую на верхней ступеньке лестницы. В это же время боковым зрением он увидел, что люди около ящика судорожно пытаются вытащить свои пистолеты из карманов. Он прыгнул опять под лестницу и вовремя – в то место, где он только что стоял, впились две пули. В ответ, боясь задеть «адскую машину», он два раза выстрелил в потолок. Посыпалась известка. Вдруг послышался треск. Услышав выстрелы, Деревянко с агентами начали ломать дверь на заднем крыльце

дома. Раздался топот, стало очевидно, что обитатели убегали. Поручик опять выскочил в коридор. Пусто. В это время открылась дверь и из боковой комнаты спокойно вышла стройная женщина в черном платье с вуалеткой на лице.

– Ни с места! – рявкнул Баранов, направив на нее револьвер, – Роза, будьте любезны, поднимите руки, – женщина медленно подняла руки и, сорвав вуалетку, бросила ее на пол.

– Ваше Высокопреподобие, матушка Ил… Илария? – совершенно опешил поручик и опустил свой наган.

Воспользовавшись замешательством, дама быстро выхватила из карманчика на юбке маленький никелированный дамский браунинг и выстрелила в Баранова. Пуля обожгла левый бок, поручик согнулся от боли, а когда разогнулся, женщина уже исчезла. Наконец рухнула дверь на заднем крыльце, и в дом ворвался подполковник с агентами.

– Обыскать дом, – приказал он агентам, подбегая к Баранову. Тот стоял бледный, зажав рукой левый бок. Из-под пальцев медленно сочилась кровь.

– Как же ты так неосторожно, брат? Кто в тебя стрелял? – вопросительно запричитал Деревянко.

– Роза, – вдруг отрывисто вырвалось у Баранова.

Он уже понял, что, очевидно, перепутал в суматохе Иларию с сестрой. Та была старше, и черты лица были жестче. Однако решил не говорить об этом контрразведчику, чтобы не бросить хоть какую-нибудь тень на женщину, которую безумно и безнадежно полюбил.

– Филиппов, – гаркнул подполковник, схватив за руку пробегавшего мимо агента, – пригони бричку, повезешь поручика в госпиталь. Да побыстрее – одна нога здесь, другая там.

Через три дня контрразведчик навестил Баранова в госпитале. Он принес бутылку коньяка и фунт ломаного шоколада в кулечке. Разлив янтарную жидкость в мензурки, они выпили за здоровье поручика и закусили коричневыми кусочками.

– Ускользнули от нас змеи эти, – рассказал Деревянко. – По подземному ходу. Дом мы окружили, а выход, оказывается, был в парке, около проселочной дороги. Пока разобрались, их уже и след простыл. Упустили… если бы не ты, то взорвала бы нас Роза. Целый пуд динамита был в ящике. Костей бы не собрали… я все удивляюсь, как она тебя раскрыла? Все же было продумано… Кстати, ты точно никого не видел, кроме Розы и двух ее подельников?

– Я уже говорил тебе, – огорчился Баранов, – агенты ее сбежали, а она ждала, когда я выскочу в коридор. И выстрелила, видимо, опасаясь, что я брошусь вдогонку.

– Это пистолетик Розу подвел. Не боевой, – пояснил Деревянко, – а то пришлось мне бы сейчас пить за помин души, а не за твое здоровье.

И они с удовольствием допили коньяк.

– Хотя шпионам удалось сбежать, операция признана удовлетворительной, – заключил подполковник, – всю германскую резидентуру на нашем фронте удалось заткнуть. Не скоро опомнятся.

– А что со мной?

– А что с тобой? – ответил вопросом на вопрос Деревянко, засовывая пустую бутылку в свои вместительные галифе, – меня не ищи, я сам тебя найду, когда нужен будешь. Выздоравливай. Ранение сквозное, касательное, легкое. Доктор обещал выписать тебя через десять дней в полк.

Так и получилось.

Почти все, что Баранов знал о жизни, – это война. На нее он и возвращался, но уже совсем другим. Раньше он сражался за Россию, может быть, и обезличенно. Теперь Родина персонифицировалась в конкретную женщину. Тайна, которая, как он считал, была между ними, словно делала их ближе. Он не знал, встретятся ли они еще или нет, но он ощущал, что «его» женщина нуждается в защите. Это желание защитить свою любовь было такое сильное, что

Баранов ощущал его физически. Певец IМировой войны, Сергей Копыткин, написал по этому поводу:

Он возвратил свой жар душевный
Из обагренных кровью мест.
Сиял торжественно и гневно
На нем Георгиевский крест.

Глаза огромные глядели
Куда-то в сердца глубину.
Он мне сказал: «На той неделе
Я возвращаюсь на войну…»

Провоевав еще почти год, изведав горечь поражения, позор отступления и бесчисленные жертвы своих товарищей, в одном из боев поручик Баранов был тяжело ранен и отправлен санитарным поездом в Москву.

С этого момента, мои уважаемые читатели, автор и начал свою историю.

Когда Илария вошла в операционную, где Баранову только что удалили омертвелые части тела, хирург, весь забрызганный кровью, сказал: «Матушка, распорядитесь положить его в комнату около морга, до утра не доживет. Глубокая гангрена. Даже ампутация не поможет». Взглянув на поручика, Илария поразилась выражению страдания на его лице.

– Нет, он будет жить, – решила (правильнее было бы сказать «решилась») она.

Всю ночь Илария на коленях молилась перед иконой Казанской Божией Матери около койки, где бредил умирающий. А Баранову всю ночь казалось, что он карабкается на высокую гору и приближаясь к вершине, падает обратно к подножию. Этот скорбный путь повторялся снова и снова. Все его тело покрылось ранами от камней, по которым он катился вниз. Вдруг какая-то женщина в черном платье прошла около него наверх. Баранов бросился за ней. Около самой вершины он опять стал скользить вниз. Женщина обернулась и подала ему руку. Он узнал Иларию и вместо того, чтобы схватиться за нее, стал целовать ей руку. Они замерли, не двигаясь ни вверх, ни вниз. Тогда на вершине горы возник столб света и в нем поручик увидел Богородицу. Она смотрела на окровавленного Баранова и плакала. Там, где упали ее слезы, камни расплавились и образовали ровный путь к вершине. Илария подтолкнула его, и поручик медленно пошел по дороге из расплавленных камней. Резкая, нестерпимая боль прожигала его с ног до головы. Тогда он каждый шаг стал предварять криком «Люблю!» крикнет «Люблю!» и сделает шаг, крикнет и шагнет. Так и дошел до вершины.

Тонкая полоска сознания, как утренний рассвет, пробудилась в нем и заставила открыть глаза. Баранов увидел неземной красоты женщину, склонившуюся над ним. Первые лучи солнца создали нимб над ее головой. Поручик на секунду подумал, что умер, и ангел спустился к нему, провожая на небеса.

– Как Вас зовут, ангел? – спросил он.

– Илария.

Это имя, словно молния, пронзило мозг Баранова. Он очнулся и уяснил, что каким-то непостижимым образом перед ним стоит женщина, ради которой он сражался целый год, которую он желал увидеть больше всех на свете и которая составляет теперь смысл его жизни.

Еще мало чего соображая, не понимая, где он находится, Баранов, прямо взглянув Иларии в глаза, чуть слышно прошептал: «Я люблю Вас».

– Что Вы такое говорите? – тоже шепотом ответила игумения, – я монахиня, я обет дала.

И слезы полились из ее сапфировых глаз. Вошедшая монахиня увела Иларию из палаты.

– В чем дело, матушка, почему Вы плачете, ведь кризис миновал, и он будет жить?

– Пресвятая Богородица показала мне его ужасную смерть в будущем, но я упросила Ее, чтобы сейчас он поправился. Что я наделала? – закричала Илария, обнимая монахиню.

Несколько дней в госпитале и монастыре говорили о чуде, сотворенном Иларией. Старичок-хирург, чуть не направивший поручика в морг, лишился дара речи и, при появлении Иларии, отвешивал ей поясной поклон. Он так и оставался в глубоком поклоне, пока игумения не выходила из операционной или не разгибала его.

– Это Бог исцеляет. Молитесь Ему, – всегда отвечала Илария на подобные восторги.

Прошел месяц, и Баранов постепенно начал выздоравливать. Отношения с игуменией были ровные. Они, казалось, забыли слова, вырвавшиеся у него наутро после операции. Но так только казалось. Их души трепетали при виде друг друга. К поручику приехал отец, который оказался генерал-губернатором одной из провинциальных губерний Российской Империи. Привез на телеге еду для раненых, бинты и карболку в госпиталь и груду солдатских одеял для монахинь. Почти двое суток проговорив с сыном, он пришел к Иларии. Получив благословение, губернатор долго не мог начать разговор.

– Ваше Высокопреподобие, – решился он, – будучи давно наслышан о Вас и о Вашей благородной деятельности, будучи безмерно благодарен Вам за спасение своего единственного сына, я рад знакомству с вами и удивлен, как такая хрупкая женщина смогла справиться со всем этим? Откуда в Вас берутся силы?

– Я утешаю себя словами святого апостола Павла, – ответила Илария, – «Сила Моя совершается в немощи».

– Я хочу рассказать Вам о теперешнем положении дел в нашем государстве. Положение хуже некуда. Война, несмотря на героизм и миллионные жертвы, похоже, проиграна. Административная система вся прогнила. Высокие налоги, странные законы, взятки. У нашей страны сейчас или бездарное или подлое руководство, которое только набивает свои карманы. В городах – очереди за хлебом, сам видел, – и это в России?! Возможно, вскоре Царя заставят уйти. Я слышал такие разговоры в Государственной Думе. Страна стремительно нищает и деградирует. Украл миллион – тебя изберут в депутаты или возьмут в правительство. Украл краюху хлебы – тебя посадят в тюрьму. У меня такое впечатление, что мы живем среди убийц, воров, блудниц, взяточников и клеветников – среди всех подонков рода человеческого. Россия находится на грани развала. В дальнейшем нас ждут неисчислимые бедствия и, возможно, даже гражданская война, ведь на фронте солдаты стали убивать своих офицеров. Есть такие факты. Ненависть «классов» достигает предела. А у меня единственный сын, и я хочу, чтобы он жил. У меня есть средства. Я намереваюсь отправить его в Швейцарию для продолжения лечения и прошу Вас сопровождать его, – генерал вытер выступивший пот.

– Это Ваше право, спасать свое дитя, – произнесла Илария, – я подберу для сопровождения Вашего сына опытную сестру милосердия, так как он еще не может передвигаться самостоятельно. Что же касается меня, то служитель Бога не должен изменять своей высокой службе. Так что я остаюсь.

– Матушка, – не сдавался губернатор, – сравнительно недавно я побывал в Швейцарии, где, по указанию Государственного Совета Обороны, закупал винтовки для нашей армии. С удивлением обнаружил в этой стране Православный женский монастырь Покрова Пресвятой Богородицы. Он небольшой, больше напоминает общину монахинь. Вы можете продолжить служение в этом монастыре, а сыну будет достаточно хоть изредка видеть Вас. Зато и Вы и сын будете в безопасности. Это главное, а там, как Господь управит.

– Вы забыли слова Христа, – сочувственно произнесла Илария, – «Кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня». Я люблю и служу Богу и я остаюсь, по-другому быть не может.

– Теперь я понимаю чувства моего сына, – потрясенно заключил губернатор, – он мог полюбить только Вас.

Глава II

Уважаемые читатели уже знают некоторые сведения из жизни Иларии. Она родилась в 1874 году в деревне Строгино Московского уезда и получила имя Прасковья. В семье были еще сестра и брат. Как и все крестьянские дети, они трудились почти весь день. Девочки шили, помогали матери по хозяйству, работали на огороде, разносили еду и мыли посуду в трактире. Брат помогал отцу в пахоте или на жатве, разгружал вещи для проезжающих на постоялом дворе. Жили зажиточно. Дворы были покрыты железной крышей. Отец имел два дома на селе и собирался строить третий. На сезонные работы уже нанимали батраков. Такие люди появились в России после отмены крепостного права в 1861 году. Работой, рвущей им жилы, сметливостью, а иногда и крестьянской хитростью, они накапливали сравнительно большой капитал и сразу пускали его в дело. Например, покупали механизированные орудия труда: сеялки, веялки и тому подобное или, как отец Прасковьи, станцию почтовых лошадей, пристраивая к ней постоялый двор и трактир. Позже этих людей назовут «кулаками» и уничтожат как класс. Но это совсем другая история. Прасковью Господь наградил лучезарной красотой. Люди буквально столбенели при виде ее. Отец хотел, чтобы она прислуживала в трактире, ибо при ней выручка возрастала в несколько раз. Отец был уверен, что удачно выдаст ее замуж. А Прасковья пела в церковном хоре, любила молиться и видела сияние, восходящее к куполу церкви. Деревенские детишки даже посмеивались над ней из-за слишком богомольной натуры.

Однажды, лет в десять, когда Прасковья пела на клиросе, она опять увидела волшебное сияние над алтарем, но, на этот раз, в нем находился ангел. Белокурый, в шелковых одеждах, с золотым мечом на поясе.

– Илария, Пресвятая Богородица передает тебе через меня свою волю. Ты должна возлюбить Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим и идти в монастырь. Тебе приготовлено совершить много дивных дел для народа русского.

– Меня зовут не Илария, а Прасковья, – ответила девочка, – а Бога я и сейчас люблю больше всего на свете.

– Пресвятая Богородица лучше знает как тебя зовут, – улыбнулся ангел, – а я послан охранять тебя на этом пути.

Ангел исчез, а Прасковья, зачарованная видением, сильно задумалась. Почему ее назвали странным именем Илария, и почему никто не слышал их разговора, хотя ангел был совсем близко от певчих. Как бы то ни было, именно с этого дня она мечтала стать монахиней и начала изводить родителей просьбой отдать ее в монастырь.

О явлении ангела Прасковья рассказала приходскому священнику отцу Гавриилу. Тот очень удивился, но пояснил слова ангела:

– В твоем сердце не должно быть места, чуждого любви к Богу, поэтому сказано, что надо любить Его не частью сердца, а всем сердцем.

Когда ангел заповедовал тебе любить Господа бога всею душою твоею, это значит, что ты должна любить Его всей жизнью твоею. он передал тебе желание Богородицы, чтобы вся твоя жизнь была посвящена Богу.

Также ты должна возлюбить Господа Бога всем разумением твоим, то есть всем своим умом. Необходимо почаще молиться и устремлять свой ум к Богу.

Рассказал отец Гавриил и об Иларии.

– Была такая мученица Илария Римская. Супруга мученика Клавдия Трибуна, вместе с ним и сыновьями обратилась в христианство. По приказу императора Нумерлана, Клавдия и сыновей казнили. Христиане похоронили тела святых мучеников неподалеку в пещере, а святая Илария стала постоянно ходить туда, чтобы молиться. Однажды ее выследили и привели

на мучения. Святая попросила дать ей несколько минут для молитвы, закончив которую, скончалась.

Говоря все это, отец Гавриил никак не мог поверить в явление ангела, ведь он был в церкви в тот момент и ничего не заметил.

Поверила только помещица Корзинкина, это та, которая называла деревья человеческими именами. Теперь помещица вместе с Прасковьей часто обслуждали произошедшее и говорили, какие вопросы необходимо задать ангелу, когда он явится в следующий раз.

Что касается имени Илария, то помещица захотела сразу назвать этим необычным именем одно из деревьев у себя в саду. Она написала на табличке «Илария» и привязала ее на яблоньку, которая никак не хотела приживаться в том месте сада, куда ее посадили, и болела. Удивительно, но вскоре яблонька выздоровела, и, на следующий год, зацвела (!). Однако ни Прасковья, ни отец Гавриил, ни помещица Корзинкина не знали и не догадывались, что те несколько слов, которые произнес ангел, определили всю дальнейшую жизнь деревенской девочки, до самого ее последнего вздоха.

Между тем, Прасковья продолжала упрашивать родителей отдать ее в монастырь. Отец бил ее вожжами, таскал за волосы, ставил на колени на горох и запирал в хлеву. Ничего не помогало.

Здесь необходимо прояснить один, очень важный, вопрос. Кто же, вообще, шел и идет в монастыри? Считается, что мужчина идет в монастырь, чтобы постичь высоты духа, а женщина обязательно должна быть несчастной, чтобы захотеть принять постриг. Существует миф, что в монастыри идут женщины, обиженные жизнью. Вспомните хотя бы историю тургеневской Лизы Калитиной, которая оказалась в монастыре из-за несчастной любви к женатому мужчине. Однако туда идут не только «с горя», идут туда и красивые, умные и счастливые женщины, не знавшие трудной жизни. Например, современная игумения, настоятельница Свято-Троицкого Ново-Голутвина монастыря, Ксения, успешная журналистка, или инокиня Наталия, чья книга «Русский Иерусалим» разошлась по миру огромными тиражами, принеся автору славу, а ее монастырю – деньги.

Как раньше, так и сейчас женщины ищут в монастырях жизни чистой, безгрешной и надеются, возлюбив всем сердцем Господа Иисуса Христа, через покаяние, заслужить прощение Его и войти в Царство Божие. Было множество примеров, когда в обитель шли богатейшие женщины земли Русской вместе с детьми. Так, в 1816 году в Горлицкий монастырь поступила дворянка Александра Клементьева, подарив обители все свое огромное состояние. Вместе с нею в монастырь поступили три ее дочери. Они жили в холе и неге, их воспитывали гувернантки, но в обители три дочери Клементьевы выполняли самые грязные работы (например, чистка отхожих мест). Через некоторое время старшая стала игуменией монастыря, средняя – талантливым иконописцем, а младшая (ее приняли в обитель 14 лет) – имела дар духовного зрения, предсказания и благодатной молитвы. По ее молитве люди получали исцеление.

Особое место занимает Марфо-Мариинская обитель, которую основала Великая Княгиня Елизавета Федоровна в 1910 году, на Большой Ордынке, в Москве. Эта обитель следовала цели «трудом сестер Обители милосердия и иными возможными способами помогать в духе Православной Церкви больным и бедным и оказывать помощь и утешение страждущим и находящимся в горе и скорби». Однако главным в жизни монастырей были и остаются духовный подвиг (а иногда и безмолвие) и непрестанная молитва. А монахини-старицы, обладающие даром предвидения, пророчества и исцеления? Их духовный подвиг потрясает. К ним за советом и исцелением шло и идет огромное количество людей земли Русской, потерявших всякую надежду в жизни. И все (все!) получают облегчение, мудрый совет и помощь.

При пострижении монахиня дает три обета – послушания, нестяжания и целомудрия.

В монастыре работа называется послушанием, которое дается матушкой-настоятельницей.

Нестяжание заключается в жизни бедной, полной лишений. При получении, например, наследства или гонорара за книгу, необходимо передать их в монастырь.

Целомудрие означает сохранение себя в девственности даже и в помыслах.

При пострижении в монахини ей дается новое имя, которое означает, что ничто теперь не напоминает о прежней жизни.

Как писал поэт Апухтин:

А завтра я дрожащими устами
Произнесу монашества обет,
Я в Божий храм, сияющий огнями,
Войду босой и рубищем одет..

Монашество как форма христианской жизни, созданной высшей устремленностью человеческого духа к Богу, как жизнь всецело по заповедям Божиим, появилось на Руси уже вскоре после ее крещения.. Киево-Печерская Лавра стала первой выдающейся школой монашества на Руси, «матерью монастырей русских». Жизнь киево-печерского монаха являлась и является «духовным эталоном» для всего христианского общества и в давние года и в наше время.

Монах – означает «уединенный». Монахи уединяются от мира, чтобы посвятить себя служению Богу. В России всегда монашество рассматривалось как путь в Царствие Небесное. Это были аскеты, постоянно подвергающиеся лишениям, некоторые из них для увеличения страданий носили под одеждой металлические вериги. Сохранились семикилограммовые вериги патриарха Никона. Монахи жили в пещерах, скудно питались для умерщвления плоти, давали обет безмолвия, олицетворяя собой заживо погребенных. Такие монахи были духовной опорой России. Однако жизненные соблазны нередко врывались в этот уединенный мир. Еще царь Иван Грозный кричал на церковном соборе, что люди идут в монашество не ради спасения души, а «ради покоя телесного», что много пьянствуют и блудят. Прав был архиепископ Иоанн, когда говорил, что «никакие одежды, ни самый постриг не избавляют человека от духовной борьбы…» Так что монах всегда находится в борьбе с многоопытным врагом нашего спасения и зачастую терпит поражение. Конечно, следует признать, что жизнь монашествующих, во многом, определялась Уставом монастыря. Еще со времен Филарета монастыри имели два устава: общежительный и необщежительный. Второй устав давал монашествующим относительно независимую жизнь. В монастырях с необщежительным уставом они имели отдельные кельи, обставляли их на свой вкус, самостоятельно распоряжались результатами своего труда, хотя и получали жалованье от Церкви. Общей была только трапеза, но и то за счет монастыря. Такой устав был привлекателен для людей, ищущих праздной жизни, для богатых вдов или для немощных людей, за которых семья вносила большой заклад. Этот устав фактически исключал возможность духовного роста.

Другое дело – общежительный устав, который предполагал отсутствие собственности, общий труд, результаты которого поступали в обитель, также этот устав требовал безусловного подчинения настоятелю. Все необходимое монашествующие получали от монастыря. Эти монастыри были известны своими духовными наставниками, к которым порой приходили тысячи людей за советом и излечением. Казалось бы, что только общежительный устав способствовал духовному просветлению. Однако не все было так однозначно. Истина никогда не бывает ни на той, ни на другой стороне. В доказательство приведу слова митрополита Филарета в беседе с архимандритом Леонидом. Тот высказал мысль, что необходимо все монастыри обратить в общежительные. Филарет спросил: «С каких лет ты пришел в монастырь?» – «30-ти лет от роду», – ответил Леонид. «Вот видишь, – сказал святитель, – будучи в свете сил и здоровья, ты, решившись оставить мир, убежал не в Лавру, а прямо в лес, в пустынь. Ну, а если бы ты пришел в монастырь не в 30 лет, а в старости, испытанным скорбями, начавши болезновать телесно, то ты скорее бы пошел бы в Лавру, чем в пустынь..Нет, я с тобой не согласен и нахожу, что в России нужно сохранить оба типа монастырей».

Во второй половине XIX века два события открыли столбовую дорогу развитию Российской Империи и кардинально изменили жизнь русского народа, это:

отмена крепостного права в 1861 году и

циркулярный указ Синода Русской Православной Церкви от 28 февраля 1870 года, к котором благотворительность вменялась в обязанность монастырей, а открытие новых обителей допускалось только с условием устройства при них учебного или благотворительного заведения», то есть школы, училища, больницы, аптеки. Конечно, в этом циркуляре слышался отголосок «Объявления», изданного Петром I, по которому монастыри должны были выполнять две функции:

«Ради церковной нужды» – так как иерархи Русской Православной Церкви были и есть монашествующие.

Социальная. Петр I считал, что под предлогом духовной жизни монахи ведут паразитическое существование, поэтому объявил им «определение» – служить нищим, престарелым и младенцам.

Церковь вспомнила об этом объявлении только после отмены крепостного права, когда народ стал свободным и получил права самостоятельно распоряжаться своей судьбой.

В конце XIX века русские женщины стремились стать самостоятельными, получить образование. Огромное количество крестьянок стало уходить в монастыри. Они преодолевали сопротивление родителей и отказывались от выгодных предложений замужества. С другой стороны, множество дворянок и интеллигентов также пошли в монастыри, где стала процветать благотворительность. Они считали, что хотя монахини – «это делатели смирения и молитвы», однако они не должны отказываться от служения братьям и сестрам во Христе, которые попали в тяжелую жизненную ситуацию.

В тоже время их сверстницы с левыми взглядами уходили в революционерки. Эти две группы женщин хотели вернуть долг народу, но разными путями. Одни – образованием и благотворительностью, другие – подняв людей на борьбу с самодержавием и эксплуататорами. Кто из них прав, и, в сиюминутной и в исторической перспективе, – решать вам, уважаемые читатели. Сейчас отличное время для принятия подобного решения – в России опять грядет эпоха перемен.

Историки утверждают, что «причинами стремительного роста монашествующих женщин были: экономические и социально-политические условия в стране, политика правительства в отношении монастырей и аскетические настроения в народе…» При монастырях стали открываться больницы, приюты, церковно-приходские школы. Однако при этом в обителях возникали конфликты на почте послушания, а иногда даже и бунты. Все это вносило смуту в жизнь женских монастырей. Так, в одном из северных монастырей монахини жаловались на холод в кельях, на отсутствие одежды и обуви, на тяжесть послушаний: «Ходили на кирпичный завод с 6 утра до 6 вечера. Носили кирпич, песок, работа очень тяжелая, у которых сапог нет, ходят босые». И еще: «… у сестер нет обуви, а игумения продает на сторону кожи»… Бывали «вообще дикие случаи, когда священники «вместо духовной любви, воспламеняли и плотскую любовь». Однако, несмотря на вопиющие факты, предпочитали разбираться келейно, без огласки. Праведный Иоанн Кронштадский даже внес в «Устав» монастырей положение, касающееся внутримонастырской субординации: «…сестры должны беспрекословно повиноваться игуменье, а в случае троекратного непослушания увольняться из обители». Справедливости ради необходимо сказать, что как тогда, так и сейчас все монашествующие приходят в монастырь добровольно и ничто не мешает им также добровольно вернуться в мир. 1905 год – год первой русской революции. «Политические» тонко прочувствовали ситуацию в монастырях и распропагандировали непокорных монахинь. И вот, к ужасу церковного начальства, во многих монастырях вместо молитв стали петь песни «за лучший

мир, за святую свободу»!?! кстати, сестра Иларии – Клавдия – была одним из таких «пропагандистов» и, именно в это время, впервые попала в поле зрения полиции.

В свое время Оптинскому старцу, преподобному Амвросию, был задан вопрос: «Батюшка, отчего это игуменье дано такое право распоряжаться монахинями, как крепостными?» «Даже более, чем крепостными, – отвечал старец, – те хоть за глаза могли поворчать на своих господ, а монахини и этого не имеют права, так как добровольно отдали себя в рабство».

Некоторые городские монахини не отставали от своих провинциальных сестер. Они высокой нравственностью не отличались, вели паразитический образ жизни, пьянствовали, а выходя за пределы монастыря, приводили горожан в изумление своим поведением. Особенно это проявилось с началом XX века.

Перед автором лежит указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского Николая II, где он перечисляет негативные стороны жизни монастырей Москвы: «1) В ущерб духовной жизни монахини увлекаются разными занятиями для добывания себе средств и, как следствие, уклоняются от посещения церковных богослужений; 2) Добываемые таким образом средства обращаются на приобретение в кельях дорогой обстановки, на украшение келий предметами немонастырского быта, на дорогое шелковое белье, неподобающее монашеской скромности и простоте, на приобретение изысканных и близких к роскоши украшений; 3) Неудовольствие испытывают инокини аскетического настроения, которые жаждут уединения, безмолвия, беспрепятственной молитвы и богомыслия…»

Характерно, что Святейший Синод, разослав Указ по монастырям, попросил Царя не публиковать в печать данный Манифест. Боюсь, что читатели начнут сомневаться, жили ли подвижники и праведники в монастырях. Да, они там жили. Напомню только об игуменьях Марии (Тучковой), Арсении (Серебряковой), Таисии (Солоповой), Феофании (Готовцевой), преподобных Елене, Марфе и Марии Дивеевских и многих, многих других, нам ведомых и неведомых. Приведу только выдержки из письма-завещания игуменьи Устюжского монастыря Флорентии, чтобы читатель понял, каких духовных высот достиг этот человек.

«Любезные мои сестры! Простите меня грешную, многие мои немощи и разные слабости, простите великодушно! Прошу всех вас помолиться за грешную мою душу: страшно перейти в далекую страну, на вечную жизнь, где обнажатся все мои дела и мысли сердечные; за свое ленивое житие трепещу… Я вас всех прощаю и всем желаю мира и согласия. Главное, никого не осуждайте – надо себя осуждать и почаще помнить, что за свои дела надо дать ответ на страшном суде Христовом… Верьте, любезные сестры, ваши труды для святой обители вознаградятся. Верен Господь, Который за ваше послушание вознаградит… Правда, горько переносить неприятности, когда за терпение будет и воздаяние. Когда все будете терпеть с благодарением – так верьте – получите от Господа утешение. К тому же, когда нет терпения, плохо жить в обители. Или мы идем в обитель, чтобы найти спокойную жизнь? Но нет на земле такого уголка, где было бы спокойно. Хочешь быть спокойной и довольной всем, все ищи в себе… особенно кто более вас огорчает, молитесь за него поусерднее. Тогда наверно, и его умилостивите, и себе обрящете покой…»

Прочитав в первый раз это письмо, автор подумал, что перед ним рецепт от всех горестей и напастей, так сотрясающих его современников. «… нет на земле такого уголка, где было бы спокойно» – да ведь это написано о нашем с вами времени, времени жестокой борьбы, когда брат пошел на брата, а сосед на соседа. А как же спастись нам? «…Все ищи в себе…» – такой, удивительно верный, совет дает сегодняшним живущим игумения Флорентия. Она отличалась великой любовью к Богу, а, через Него, и ко всем людям.

После того, как помещица Корзинкина внесла большой вклад в казну обители, 14-летняя Прасковья была принята послушницей в Московский женский монастырь. Девочка с удовольствием служила в обители и с достоинством выполняла любые работы. Привыкшая к тяжелой

крестьянской работе, она все делала четко, быстро и без понуканий. Сестры не могли нарадоваться на нее. Необходимо сказать, что послушания распределялись игуменией в зависимости от статуса проживающей. Послушницы направлялись на наиболее тяжелые работы, такие, как чистка выгребных ям, уборка и мытье полов, занятия в просфорной, мытье посуды и помощь на кухне. Через некоторое время игумения монастыря записала в монастырской книге о Прасковье: «Высоких духовных качеств, способна выдержать любое послушание». И это о 18-летней девчонке! При этом она умудрилась за 4 года закончить монастырскую школу. В 1899 году она была пострижена в монахини под именем ИЛАРІЯ. Слова ангела продолжали сбываться и находили конкретное подтверждение: девушка стала монахиней и зовут ее Илария. Это уже был совершенно другой статус, позволяющий ей более помогать людям, ведь монахини уже не использовались на тяжелых работах, а, в основном, следили за состоянием церквей и церковного богослужения. Своей помощью людям она быстро приобрела известность в Москве, да и Синоидальное начальство обратило внимание на исполнительную монахиню. Вскоре ее назначили на должность экономки, и сестры сразу стали получать еду получше и одежду поновее. Илария была смотрительницей в монастырском приюте, благочинной, и наконец приняла должность казначеи. Это был основной пост в монастыре после настоятельницы. Росла ее известность как целительницы. Ангел всегда был рядом с ней. Он подсказывал Иларии, чем страдает человек, какую молитву необходимо прочесть и советовал, что рекомендовать ему для дальнейшей жизни и полного выздоровления.

– Оставь его, он завершил свои земные дела, ты можешь только немного облегчить его страдания, – иногда говорил ангел и это было самое тяжелое для Иларии.

Совершенно очевидно, что исцеление, которое давала Илария больным, не имело ничего общего с заговорами, ворожбой и магией, но имело христианскую природу. Как бы ни было тяжело, она никому не отказывала в помощи, молилась за людей, просила у Господа излечить их, но она требовала от них веры в Бога и немедленного исправления греховной жизни.

Приведу такой пример. Как-то в монастырь ворвался раненый преступник, за которым гналась полиция. Наставив на Иларию наган, угрожая убийством, он потребовал, чтобы она спрятала его от жандармов. Монахини попадали в обморок. Жизнь Иларии висела на волоске. Вдруг в воздухе, перед ее взором, появился ангел и в его руке сверкнул золотой меч, занесенный над головой разбойника. Тогда, подойдя к злодею, Илария буквально впилась в него взглядом и сказала: « Или ты умрешь на месте или исправишься, прекратишь греховную жизнь и сам сдашься властям. Ведь ты еще никого не убивал, и тебе будет послабление в суде.» В это время у громилы неожиданно отнялись ноги, и он рухнул на пол. « Решайся немедленно, – закричала Илария, – жить тебе осталась минута». Преступник сообразил, что эта суровая монахиня с ним шутить не будет, немедленно одумался и стал целовать ботиночки Иларии. Через минуту он уже просил прощения, а через две – на локтях выполз на крыльцо монастыря, где его ждала подоспевшая полиция. Все это произвело на разбойника такое оглушительное впечатление, что в дальнейшем он покаялся в своих преступлениях и был освобожден досрочно. Так Илария, даже в экстремальных ситуациях, открывала людям путь к спасению.

Должность казначеи отнимала бездну времени. Также, очень много хозяйственных дел взяла на себя Илария, так как игумения (настоятельница) Неофита была стара и тяжело болела. Именно тогда по всей Москве прогремело «дело о колоколе».

На соседней улице, неподалеку от Московкого женского монастыря, проживал купец Дмитрий Гаврилович Савинов. Купец тяжело болел неизлечимой болезнью. У него был сын Петя. Этот Петя был известен по всей Москве своими кутежами и пристрастием к карточной игре. Отец был очень недоволен своим сыном и пригрозил лишением наследства. Но тот не унимался. Так сказать, жег свечу своей жизни с обоих концов. Ему абсолютно не хотелось ухаживать за больным отцом. Однажды Петя совершенно охамел и, будучи пьяным, процитировал отцу стихи Пушкина из I главы «Евгения Онегина»:

«…Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя!»

Причем, последние слова он буквально выкрикнул отцу в лицо. С Дмитрием Гавриловичем случился удар. Взяв все деньги, какие были в доме, Петя продолжил кутить. Заботу о купце взяли на себя монахини Московского женского монастыря, расположенного поблизости, так как Савинов был прихожанином их церкви. Немного придя в себя, купец распорядился не пускать больше сына в дом и не давать ему никаких денег. Петя был вынужден поступить корнетом в Московский кавалерийский запасный полк. Служба шла ни шатко ни валко, жалованье было небольшое, но сын наблюдал за своим отцом, надеясь на скорую смерть того и на получение наследства. Он не верил, что Дмитрий Гаврилович пойдет на такой суровый шаг, как лишение наследства. Так продолжалось три года. Все это время за Савиновым ухаживали монахини Московского женского монастыря, причем совершенно бесплатно. После смерти выяснилось, что Дмитрий Гаврилович лишил-таки сына наследства, а завещал его Московскому женскому монастырю на отливку колокола на 1000 пудов (!), с написанием на нем двух имен: Екатерина (мать Савинова) и Дмитрий. Взбешенный Петя нанял известнейшего московского адвоката Плевако за 20% от наследства. Тот вчинил иск монастырю о признании завещания недействительным. Тут необходимо сказать, что Плевако не проиграл ни одного процесса, к тому же он был атеистом и взялся за дело, надеясь «вставить перо» (его собственное выражение) монахиням. Зал Московского Сиротского суда, где рассматривалось это дело, был забит публикой. Весь высший свет Москвы пожаловал в суд. Все ждали дуэли Плевако с Иларией, так как именно она представляла Московский женский монастырь (игумения монастыря Неофита, как уже известно уважаемым читателям, была тяжело больна).

Плевако, раздобыв какие-то документы (позже выяснилось, что они были поддельные), утверждал, что Дмитрий Гаврилович был наследственно психически невменяем, и его подпись не действительна. Илария парировала, что, в таком случае, и сын купца также невменяем и не может получить наследство лично. Необходимо назначить опекунов. Посовещавшись с Петей, Плевако отказался от этого хода. Тогда он стал обвинять монахинь, что те «охмурили» купца, и он подписал завещание под давлением. Илария рассказала суду, как монахини, совершенно бесплатно, ухаживали за больным и как спасли его от тяжелых мучений перед смертью. Адвокату же она посоветовала никогда не брать с невменяемых 20% от наследства (откуда она это узнала?), принять и полюбить Бога, а также прекратить пьянствовать, ибо у него сильно увеличена печень и возможен удар. Зал стонал от хохота. По решению Московского Сиротского суда, дело было выиграно Московским женским монастырем. Известный адвокат Плевако потерпел единственное поражение в своей карьере. Однако не все было для него так плохо. Он бросил пить и вылечил свою, начавшую болеть, печень.

Однако «дело о колоколе» было еще не завершено.

Илария была тогда на должности казначеи и, как никто другой, понимала, что колокол для обители был не нужен, так как и старый отличался по Москве своим малиновым звоном. Между тем, у монастыря были свои неотложные нужды. Храм на территории обители постепенно приходил в полную ветхость, рамы сгнили, иконостасы потемнели. Требовался капитальный ремонт, а денег на него не было. Хорошо было бы перенаправить наследственные деньги на ремонт. Однако это означало изменение цели завещания, что было запрещено зако-

ном. В Российской Империи изменить волю покойного мог только Царь. Дотянуться до него казалось невозможным. Тем не менее, Илария стала исподволь готовить доказательства того, что невозможно исполнить волю покойного. Она наняла известного московского архитектора Стеженского, который установил, что здание колокольни в монастыре – памятник древнего русского зодчества и не может выдержать веса колокола в 1000 пудов, т.к. пришло в ветхость, «того гляди может обвалиться от такой тяжести». Архитектор выдал официальную бумагу с расчетами. Илария составила официальное прошение на Высочайшее имя, приложив к нему заключение архитектора и смету предполагаемого ремонта. Илария молилась в полной надежде, что Господь ей поможет. Так и случилось. Примерно через полгода после описываемых событий приехавший в карете курьер передал ей письмо, в котором говорилось, что Её Высочеству, Императрице Марии Фёдоровне, ненадолго заглянувшей в Москву, захотелось послушать духовные песнопения и посоветоваться о своих женских делах. «Она просит Вас к себе в Императорскую ложу в консерватории. Для входа в ложу билета не требуется, а следует подъехать к Императорскому подъезду консерватории на Средне-Кисловском переулке, где Вас будут ожидать».

Илария, которая обладала еще и прекрасным голосом, поняла, что Господь услышал ее молитвы и предоставил ей случай передать прошение Царю. Она с успехом выполнила задуманное. Еще через полгода Илария получила Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, Царя Николая II, в котором говорилось, что «*во изменение* надлежаще утвержденного к исполнению духовного завещания потомственного купца и почетного гражданина Дмитрия Гавриловича Савинова, *разрешить* Московскому женскому монастырю вместо сооружения и постановки нового колокола весом 1000 пудов произвести неотложные ремонтные работы в главном монастырском храме, на сумму, по составленной смете, в 29632 рубля с тем, чтобы:

остатки от завещанных сумм были обращены в неприкосновенный капитал (1508 рублей), проценты с которого употреблялись бы в дальнейшем исключительно на ремонт монастырского храма и

имена жертвователя и его родителей вечно поминались за богослужениями в монастыре и были бы написаны золотыми буквами на особой мраморной доске, помещенной на стене внутри храма, с пояснениями того, что полный ремонт храма и возобновление всех украшений оного произведено на средства жертвователя».

Так завершилось «дело о колоколе», прогремевшее на всю Москву.

Словно предчувствуя наступление войны (а может, так оно и было), Илария уговорила настоятельницу Неофиту дать послушание монахиням пройти обучение на курсах медицинских сестер милосердия, открытых при Боткинской больнице. Курсы были платные, но Илария договорилась с главврачом о большой скидке, обещав, что монахини во время обучения будут помогать ухаживать за больными. В течение нескольких лет все монахини получили дипломы квалифицированных сестер милосердия, а монастырю их обучение встало совсем недорого. Сама Илария также обучалась и работала на курсах и также получила аналогичный диплом.

Монастырь славился по Москве прекрасным хором и замечательными рукоделиями монахинь, в частности, вышивками золотыми нитями. Обитель владела 194 десятинами земли и имела хутор с мельницей, где проживали и исполняли сельскохозяйственные послушания 28 монахинь.

В монастыре выплачивалось жалованье. Игумения получала 14 рублей в месяц, казначея – 7 рублей, регентша хора, экономка и благочинная получали по 3 рубля, монахини получали по 2 рубля.

Илария заботилась и о крестьянах, не забывая своего происхождения. Так, по ее ходатайству, были освобождены от арендной платы на 1 год крестьяне, работавшие на монастырской мельнице на реке Протве.

Московский женский монастырь был осаждаем просьбами о помощи. Казалось, что нет такого дела на земле русской, которое бы не нуждалось в поддержке монастыря.

Князь Дмитрий Петрович Муравлин просил пожертвовать на «построение Нового Великого собора во имя Святой Троицы в Санкт-Петербурге».

Из Благовещенского женского монастыря на Амуре настоятельница писала: «… невозможно испечь просфоры, не на что купить муки и продуктов, нет свечек. Часто вынуждена отказывать читать надгробный псалтырь. Нет ни казначеи, ни экономки, ни благочинной. Эти обязанности несу одна. Послушницы малограмотны. Местные жительницы ничего не жертвуют. Нет денег на хозяйство. Возлюбленные мои сестры во Христе, я в скорбном положении, пришлите хоть денег, хоть сухарей, а то скоро есть будет нечего».

Православная семинария обращается в связи со смертью своего священника: «Правление семинарии обращается в Московский женский монастырь с покорнейшею просьбой, не найдете ли возможным во имя любви к почившему доброму пастырю, отозваться присылкою Вашей лепты, по усердию Вашему».

Председатель Славянского благотворительного общества генерал Паренков пишет: «Общество не имеет возможности удовлетворить своими средствами даже малой части направленных к нему ходатайств от осиротевших православных славян, и поэтому обращается в Московский женский монастырь с покорнейшею просьбою оказать Обществу возможное содействие. Подписной лист при сем прилагается».

Мужские монастыри Болгарии и Сербии, объединившись в свою епархию, сообщают в Московский женский монастырь: «Нам нужна безотлагательная помощь. Не на что содержать вновь открытые православные храмы. Многие из них находятся на грани нищеты. Вовсю свирепствуют римско-католическая пропаганда. Просим незамедлительно оказать помощь деньгами и товарами, пожертвовав их по Вашей потребности».

Открыт сбор денег для «переселенцев Сибири». Просят Московский женский монастырь прислать хоть сколько-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.